

Сергей Кузичкин

Откос

Главы из романа

Часть первая. Поезда

*А рельсы-то, как водится,
У горизонта сходятся...*Михаил Анчаров,
русский писатель, поэт, бардПутевой обходчик
Идти и смотреть*Мы знаем, кто мы есть,
но не знаем, кем мы можем быть.*Уильям Шекспир,
английский поэт и драматург

I.

Обходчик услышал приближающийся поезд: стук колёс, «почухивание» пара. Когда нагонявший его паровоз дал гудок, обходчик сошёл с колёс и спустился вниз по откосу.

Состав поезда был небольшим — три грузовых открытых вагона. В одном из них, где по краям у бортов сидели рабочие-железнодорожники, везли рельсы и шпалы, в двух других — сосновые и берёзовые дрова. День клонился к вечеру, и состав шёл по направлению к Тайшету, в депо. В ту же сторону, к своей конторе, шёл и обходчик.

— Прыгай к нам, дружок, подбросим до станции! — скорее в шутку, чем серьёзно, крикнул ему кочегар — лет двадцати, черноволосый, вечно потный и черномазый то ли от угля, то ли от того же пота, то ли от рождения паренёк.

Обходчик помахал вслед уходящему поезду и поднялся снова на насыпь.

Вчера недалеко от моста он увидел, что путь немного просел, и сообщил об этом дежурному инженеру в конторе станции, и вот сегодня с утра туда отравили ремонтников: подровнять, подтрамбовать насыпь, а заодно заготовить дров для работников путейской службы и паровозоремонтных мастерских.

Обходчик поправил на поясе пристёгнутую к ремню сумку с сигнальными флажками, петардами

и гаечным ключом, перекинул с правого плеча на левое молоток с длинной ручкой и продолжил свой путь.

Пятый год работал он на этом участке. От западного переезда станции Тайшет до Бирюсинского моста каждый день обходил свой околоток — расстояние длиной около одиннадцати вёрст, туда и обратно по железнодорожному пути, мимо четырёх огороженных столбиками будочек, стоящих внизу насыпи, метрах в двадцати от полотна, на расстоянии трёх-четырёх вёрст друг от друга. Возле каждой летом две его младшие сестры высаживали грядки с капустой и морковкой, а то и сажали по несколько рядков картошки. Сёстры заботились и о том, чтобы в будочках всегда были свежая вода и что-нибудь из еды. Хотя еда там была вроде бы и ни к чему. Обходчик каждый раз, выходя из дому, брал с собой и хлеб, и несколько сваренных картошек, а когда поспедали овощи, то огурец и пару помидоров. Поздней осенью и зимой в сумке у него обязательно были аккуратно нарезанное кусочками сало с мясной прослойкой и несколько варёных яиц. С ноября по май ему приходилось протапливать железные печурки поочерёдно в одной, а то и в двух будках за день, чтобы отогреться, посидеть на широкой лавке у стола, попить горячего чаю, а после продолжить обходной свой путь. В обязанности обходчика входило и содержание будочек в постоянной готовности, чтобы в любое время, в случае необходимости, там могли разместиться люди, занимающиеся ремонтом пути или расчисткой снега. Но и тут ему подсобляли сёстры: возвращаясь на станцию во второй половине дня, он нередко видел вьющийся к небу из трубы сизый дымок над какой-нибудь будочкой.

Еду оставлять в будках обходчик не хотел ещё и потому, что несколько раз вылавливал грызунов за поеданием его хлеба. Суслики, бурундуки, белки, забираясь в будки, быстро находили съестные припасы и, случалось, делиться с хозяином, продукты там припрятавшим, не хотели. Грызуны забирались даже в закрытые на крючки шкафчики и хозяйничали там. Обходчик окончательно перестал оставлять сало и хлеб в будках, когда наткнулся на наглуемую крысу, которая прямо

на столе бесцеремонно, не пугаясь вошедшего человека, подала кусочки его сала. А один раз погостил в одной из будочек медведь. Самого медведя обходчик не видел, но догадался о его визите по тому, как была выворочена входная дверь, закрытая на небольшой навесной замок, а внутри будки перевернут стол, оторван от стены и разбит шкафчик, выбито стекло в оконной раме. На лавке и у стола остались клочки медвежьей шерсти. Был конец августа, метрах в десяти от будки, ближе к лесу, адели несколько кустов малины, и, видимо, косолапый, позарившись на ягоду, решил заглянуть и в маленькую избушку. А может, это была медведица с медвежатами? Обходчику показалось, что возле будки рядом с большим следом отпечатались и следы поменьше.

— И как ты не боишься, брат? — беспокоилась о нём сестрёнка постарше. — Зимой и волки могут подойти к избушкам, и на насыпь даже выйти, если человека почувствуют...

— Да я ж, сестра, зимой ружьё беру, и фонарь у меня есть. Волки света яркого боятся и громкого стука, когда поезд идёт. Да и выходить я стараюсь всегда после того, как уже рассветёт, и воротиться тороплюсь засветло, — отвечал он ей. — Летом, когда хорошая погода, идти одно удовольствие. Зимой, конечно, не так приятно. Но привык я. А когда снегопад, то я и вовсе не один — целую артель дорожный мастер отправляет на расчистку пути...

Когда железнодорожники приезжают на расчистку снега, ремонт полотна или заготовку дров, то наполняются на несколько дней людьми будочки. Бывает, оставляют там с ночевой дежурных, особенно в снежные дни и ночи. Тогда в будках сутками топят печки, кипятится чай, варится каша или борщ.

Вот и сейчас проходит обходчик снова мимо этих будочек и думает о том, что всего несколько лет назад в этих местах люди ходили редко, а такого поселения, с названием Тайшет, к которому он держит путь и где живёт сейчас сам, никто и не знал.

2.

С рождения жил он с родителями, сёстрами и младшим братом в большом селе Баера, возле речки с таким же названием. Ловил рыбу, летом заготавливал сено, зимой ставил петли на зайцев. Так жил бы он, наверное, и дальше, если бы однажды вдруг не прошёл слух о том, что скоро станут прокладывать недалеко от них какую-то новую дорогу, по которой, как говорили, будет ходить какая-то «чугунка». Потом прояснилось: железную дорогу, ради которой приезжие люди начали пилить лес на обоих берегах Баеры, а затем возить подводами землю и делать отсыпку в версте от села. Шли разговоры, что уже ставят железный

мост через Бирюсу, и он сам видел, как приехавшие сооружали небольшой мосток через их речку Баеру. С любопытством наблюдали жители Баеры, как рабочие на насыпи укладывали попереёк земляного полотна небольшие брусья (шпалы, как говорили строители), а потом к ним прибывали и соединяли друг с другом длинные металлические балки, называемые рельсами. Но больше всего удивило баерцев (кого напугало, а кого привело в восторг) появление первого поезда с той самой «чугункой» впереди. Не виданный ранее здесь паровоз пыхтел паром и издавал гудки, а за ним вереницей с неслыханным грохотом катились вагоны.

Строители железной дороги ушли дальше, в сторону Нижнеудинска и Иркутска, через пробуренную тайгу, по новой земляной насыпи. С ними уехали несколько односельчан — в основном молодых, ещё не женатых парней, решивших стать строителями новой дороги.

Приезжих людей, в основном переселенцев, становилось в округе села всё больше. Основательно они стали обустраиваться на ровном почти месте, верстах в семи от Баеры. Как грибы в июле, выросли на пустырях и среди деревьев новые дома, здание станции, и появилась первая улица — Вокзальная.

Новое поселение и новая станция быстро разрастались. В Баеру, по железной теперь дороге, на паровозах, приезжали люди в форме железнодорожников, собирали жителей на сход и агитировали на работу на ремонт пути и в паровозные мастерские. И некоторые баерцы, в числе которых был и он, на агитацию отозвались: стали железнодорожниками и тоже перебрались жить в новое поселение. Выгода была в том, что устроившимся на работу почти сразу давали жильё на выселках в переселенческих бараках и выплачивали денежное пособие — аванс. Большинство односельчан приняли в паровозные мастерские, нескольких — в путеремонтную бригаду, а ему предложили работу обходчика пути.

— Хочешь, парень, на свежем воздухе гулять? — спросил его инженер-железнодорожник в конторе станции. — В мастерских, конечно, тоже хорошо, в тепле и не дует, но свежий воздух очень полезен для здоровья. Ты, я вижу, сообразительный и крепкий на вид. Нужно будет по трассе ходить: следить за состоянием пути. Если увидишь, где какой костыль норovit выскочить со шпалы, подобьёшь его молотком; но в основном надо будет докладывать, как заметишь какие неполадки, в контору. Начальников у тебя будет немного, и на своём околотке сам будешь хозяйничать.

Инженер засмеялся, улыбнулся и он, а через два дня новый обходчик уже шёл по своему участку в сопровождении инженера и пожилого мужика-переселенца, который ходил здесь до него несколько месяцев.

Ещё раз прошёлся с ним, объясняя, повторяя и спрашивая, что он запомнил, от переезда до моста инженер, раза три молча сопроводил бывший обходчик — и всё: в конторе решили, что экзамен сдан успешно, и назначили его ответственным за участок.

Новую станцию и поселение назвали Тайшетом. В уезде были деревни с названиями Камышет, Туманшет, Окулышет, Ингашет. И вот теперь Тайшет. По слухам, все эти названия дали населённым пунктам енисейские остяки. Мол, на их языке слово «шет» означает вода. А «Тайшет», как объяснял ему сосед-инженер по имени Григорий Васильевич, что приехал из Калуги с семьёй на строительство Сибирской железной дороги, в переводе на русский будет «тёплая вода». Протекающую за переездом по окраине нового поселения речушку назвали Тайшеткой. Но вода в ней тёплой в июле разве что бывала, и то не каждый год. Обходчик и его сёстры хотя и родились в Сибири, предки их были переселенцами из Тверской губернии. Отцы и деды некоторых старожилов Баеры переехали в Сибирь сотню лет назад из Ярославской и Новгородской земель. Старики поговаривали, что, по их разумению, слово «тай» никак не связано с теплом или холодом. По-древнеславянски «тай» — это что-то далёкое, неизведанное, начало слов «тайга», «тайна». Последний месяц года по староверческому дохристианскому календарю назывался «тайлет». Слова «год» славяне раньше не знали. Весь природный цикл — весна, осень, зима — у них назывался «лето». Тайлет был последним месяцем круга лета. А записи, что делали грамотные люди в течение года, назывались «летописью». И сейчас называются. Только лето теперь стало ещё одним временем года.

Старики рассуждали глубоко и говорили о таких словах, как «Алтай» и «Китай», где в конце слов тоже этот «тай». Говорили, что в Москве-городе есть район Китай-город, но там не живут китайцы. По рассуждению стариков, название это происходит от старого слова «кита» — вязка жердей. Жерди применялись при постройке крепостных стен. Пустоты между жердями забивали камнями и обмазывали глиной, и получалась крепкая стена, за которой находились дома горожан.

Чувствовалось что-то тайное и в названии новой станции. В 1904 году в новом поселении построили паровозное депо, появилось несколько новых улиц, а в 1906 году Тайшет стал не только большой железнодорожной станцией, но и большим селом.

И первая авария на Сибирской железной дороге произошла в Тайшете. Ну, может, аварией в полном смысле столкновение двух паровозов возле мастерских назвать нельзя. В ноябре 1904 года замёрзла переводная с пути на путь стрелка, её не смогли вовремя перевести, и паровоз, выезжающий из мастерских, столкнулся с паровозом, туда заезжающим. Лёгкого столкновения хватило, чтобы колёса

паровых машин соскочили с рельсов и паровозы скатились под откос. Небольшой откос находился на расстоянии от главной дороги, но упавшие паровозы перекрыли подъезд к заправочной водостанции и к складу с углём. Авария эта повлияла на движение по всей Сибирской магистрали. Поезда остановились на несколько дней на запасных путях соседних станций, а через Тайшет пропускали только срочные, в основном военные, эшелоны. Россия находилась в состоянии войны с Японией. Дела на фронте шли плохо, и на выяснение причин аварии в Тайшет приехали чиновники из Иркутска, Красноярска и самого Петербурга.

Обходчик запомнил одного из них — полного, высокого усатого господина в дорогой шинели с бобровым воротником.

— Ну что, поваляли мне здесь паровозики? — спрашивал он инженеров, мастеров и рабочих, выстроенных перед ним строем возле конторы станции, при большом скоплении народа. — Вы у меня все отвечать будете. Это вам не игрушки! У вас, выходит, один стрелочник виноват? Так вот знайте: вина стрелочника тут самая последняя. Получат по заслугам все, кто стоял и стоит над этим стрелочником.

Обходчик знал этого стрелочника. Он был его односельчанином. Его брали под арест, возили в Иркутск, но в конце концов освободили. Несколько инженеров вызывали на допросы приехавшие из Иркутска следователи, и некоторых из них потом перевели на другие станции. Отправили дальше на восток и молодого инженера Григория Васильевича из Калуги. Он уехал, а семья его осталась: жена и двое детей — девочка Полина лет десяти и семилетний мальчик Коля. Любопытные дети много что знали и как взрослые разговаривали с обходчиком и его сёстрами. Сёстры обходчика приглашали Полю и Колю к себе и угощали баранками и чаем. Семья инженера жила в одном с ними большом двухквартирном казённом доме, построенном специально для железнодорожников по улице Вокзальной. Сёстры вежливо здоровались с супругой инженера — Анной Георгиевной, называя её «барыней», а между собой — «барынькой Нюрой». Они, с искренним желанием помочь оставшейся одной с детьми барыне, вызывались носить ей воду из колодца, брали стирать детскую одежду. Обходчик, раскалывая во дворе на поленья сосновые и берёзовые чурки для себя и для соседки, складывал их в общую поленницу, заносил её в дом дрова, затапливал печь. Помогал в домашних делах «барыньке Нюре» и отец обходчика: забивал гвозди по просьбе хозяйки, по собственной инициативе отбрасывал от крыльца снег.

А через год авария эта забылась окончательно, потому что произошла другая, с человеческими жертвами.

На рассвете 30 июня 1905 года в районе разъезда Точильный на ходу сошёл с рельсов воинский эшелон, следовавший на восток. В этом крушении погибли двенадцать солдат, ефрейтор и старший унтер-офицер второй роты сто семьдесят четвёртого пехотного Роменского полка.

Разбор того крушения затмил случай со стрелкой. Искали и нашли новых виноватых. Всю вину возложили на дорожного мастера того участка и машиниста паровоза.

А погибших «мученической кончиной» похоронили торжественно на кладбище деревни Черемшанка, установили памятник на общей могиле с перечислением на нём имён и фамилий и надпись: «Человек — яко трава, дни его цвет сельный, тако отцветает».

Обе эти железнодорожные аварии случились до того, как обходчик поступил работать на железную дорогу. Но о них, особенно о второй, вспоминали долго.

3.

Удивительно быстро обходчик получил казённое жильё. Месяца два пожил он в переселенческом бараке, а потом вызвали его в контору, спросили о семье и предложили заселиться в новый, только что выстроенный дом.

Ещё не старый его сорокасемилетний отец, последовав за сыном вместе с дочерьми, был принят на работу кочегаром в железнодорожную баню. А обе сестры обходчика стали работать в прачечной, открывшейся при бане.

Сёстры обрадовались переезду. В большом, общем на обе квартиры дворе для новосёлов были выстроены сараи-пристройки, и вскоре по приезде людей там поселились поросята и куры, а за отдельной перегородкой — лошадь, на которой отец обходчика ездил в деревню и обратно. Под окнами в огороде летом вызревали редиска, лук, репа и редька. Сама квартира начиналась с широких сеней, где стояли кадушки с квашеной капустой и засоленными на зиму огурцами. Просторная кухня была оборудована русской печкой с лежанкой. На плите пекли пироги и шаньги, варили борщи и пельмени. Недалеко от печки располагалась кровать обходчика. Два кухонных окна выходили на две стороны: во двор и в огород. Возле одного поставили семейный обеденный стол-буфет. Чуть меньше кухни, но с большим окном была и комната-спальня, где стояли две кровати: широкая, на ней спали сёстры, и односпальная, где ночевал отец обходчика. Ночевал нечasto. Сутки отец дежурил в кочегарке, потом полдня отсыпался на своей односпалке, а к вечеру запрягал лошадь и на полтора-два дня уезжал в Баеру. Там в оставшемся ещё от предков добротном доме жила его супруга, мать обходчика, с младшим братишкой. В новое село она ни в какую ехать не хотела. Вела в Баеру своё

домашнее хозяйство да приглядывала за младшим сынком, который учился в местной сельской школе. Правда, не проходило и недели, чтобы сёстры не ездили в Баеру. Нет-нет да, раз примерно в полгода, приезжали в Тайшет и мать с братишкой.

Когда вся семья собиралась вместе, отец перебирался спать на печную лежанку, к нему забирался младший брат обходчика, а мать располагалась на односпалке отца.

Решивших поменять свою жизнь сельчан из той же Баеры, Окульшета, Кочергиной заимки и других деревень Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в Тайшете становилось всё больше. Люди приезжали и приходили на новую станцию и, установившись кто рабочим пути, кто ремонтником паровозных мастерских, через год-два, пожив в бараках, получали казённое жильё, не оставляя своего в родных сёлах и деревнях. Но были и такие, кто перебирался жить в новое село решительно, окончательно порывая с деревней. На постоянное жительство обустроивались в Тайшете переселенцы из разных губерний России, приехавшие по вербовке на работу. Некоторые из деревенских и переселенцев вызывались строить свои дома сами. Железнодорожное начальство такие пожелания поддерживало и средствами и лесом строительству способствовало.

Большинство новосёлов строили дома недалеко от станции, нередко выбирая место на противоположной от конторы стороне железнодорожного пути. И вскоре в селе появилась вторая большая улица, названная Юго-Вокзальной. Недалеко от железной дороги, за первой — Вокзальной — улицей (вскоре переименованной в Северо-Вокзальную), образовалась улица Паровозная, а чуть дальше — Трактовая, за ней — Базарная. Базарная улица некоторое время оставалась окраиной села, но в начале нового века за ней, ближе к лесу, поставил на пустыре добротный свой дом зачинатель ещё одной улицы — бывший крестьянин Харин, ставший железнодорожником. Напротив дома отца (у лица отца — улица) выстроил свой дом его старший сын, рядом — другие родственники, и улица получила название Харинская.

По этой самой Харинской улице обходчик ходил на рыбалку к расположенному в низине озеру. Когда-то на озере жители окружающих сёл и деревень не только ловили рыбу, но и охотились на уток. Осенью, перед отлётом на юг, собиравшись на этом озере по несколько сотен пернатых. В озеро впадал, спускаясь с возвышенности, и вытекал из него, убегая в тайгу, ручей, названный кем-то Крутеньким. При строительстве железной дороги ручей оказался под насыпью и вытекал теперь в озеро через каменную водосточную трубу. Видимо, что-то нарушилось в природе после строительства, и озеро стало мельчать. Утки всё реже приземлялись на его глади, не прятались больше в камышах у берегов,

заставляя охотников искать другие водоёмы. Но рыба в озере осталась. Обходчику, иногда удавалось выбрать время и сходить туда с удочкой. Особенно доставляли радость выловленные им большие красные караси. Их умели хорошо обжаривать в сметане его сёстры. Они так обрабатывали рыбу, что она становилась нежной и мягкой, и обжаренных карасей можно было есть вместе с костями. Когда большая сковорода ставилась на стол, обходчик с отцом брались за рыбы головы и смачно, с хрустом, начинали их есть.

Несколько раз обходчик брал с собой на рыбалку отца и сестёр. Один раз позвал он и соседа-инженера с семьёй. Этот день запомнился особо. Они шли по улице Харинской, а потом леском к озеру большой шумной компанией, с удочками и вёдрами. Несли с собой картошку, соль, пшённую крупу и прямо на берегу у ручья Крутенького варили уху. Дети инженера, сам Григорий Васильевич и даже «барынька Нюра» — все закидывали удочки в озеро, и каждый что-то да поймал. «Барынька» и дети особенно восторженно радовались своей удаче и с удовольствием ели уху, не брезгуя даже мелкими ёршиками.

А в Тайшет прибывали всё новые и новые жители. Первое время обходчик знал всех, кто жил на Северо-Вокзальной улице, но за последние год-два, после аварии с паровозами, взамен отправленных на другие станции инженеров и мастеров на знакомой улице появилось много новых лиц. Некоторые из вновь приехавших с первого дня приветливо кивали ему, как знакомому, но были и такие, кто проходил мимо с высоко поднятой головой, не опускаясь до обычного разговора и пожелания здравствовать. Обходчик не отвечал им взаимностью, он, несмотря на холодное отношение, всем всегда говорил при встрече: «Здравствуйте», — и того же требовал от сестёр.

4.

Самый большой и крутой откос на его участке находился примерно в версте от переезда. Этот откос тоже был связан с историей, возможно, первого в Сибири, а может, и во всей России, побега арестантов из железнодорожного вагона.

Арестантский вагон, прицепленный к пассажирскому поезду, ставили сразу за багажным. Обычно вторым от паровоза. Поезд шёл на Красноярск и, миновав Тайшет, как и многие поезда, чуть сбавил скорость перед большим поворотом пути, как раз на этом откосе. Вот тогда и выпрыгнули из вагона двое.

Как потом слышал обходчик, оба кубарем покатились вниз по откосу. Один из беглецов спрыгнул удачно — скатившись вниз по земляному полотну, шустро встал на ноги, а второй, упав, перевернулся несколько раз и встать не смог. Он, видимо, подвернул ногу и лежал на середине откоса. Увидев это, товарищ его вернулся ему на помощь и,

приподняв, стал помогать спускаться по крутому склону. Но спуститься им вместе было не суждено. Поезд остановился метрах в трёхстах от места происшествия, и по полотну и откосу к беглецам побежали охранники арестантского вагона. Они кричали, ругались, стреляли вверх из винтовок, и здоровый арестант, понимая, что двоим им не уйти, оставив больного, бросился к спасительному лесу. Второй же снова упал и зачем-то пополз назад — вверх по откосу.

Охранники выбрали лежащего и потащили к поезду. Второго, который к тому времени скрылся за деревьями, преследовать не стали. Выстрелили пару раз в сторону леса и ушли.

Через два дня обходчик вместе с инженером станции сопроводили к этому откосу приезжих следователей. На месте происшествия следователи сделали несколько замеров вниз от пути и от основания откоса вверх. Результаты записали в тетрадку. От них обходчик с инженером узнали, что убежавший арестант, по фамилии Петров, был политическим заключённым.

С той поры обходчик останавливался на том месте не один раз и пытался представить себе, как арестанты прыгали, как катились вниз почти с двадцатиметровой высоты. Он спрашивал себя: а смог ли он бы вот так спрыгнуть из быстро идущего поезда вниз, под откос? Иногда он содрогался, представив себя на месте прыгунов-арестантов, и отвечал себе: «Нет, не смог бы». Но когда был в хорошем настроении, то смотрел на поступок арестантов с оптимизмом и говорил: «Если бы на кону были свобода и жизнь, то и я смог бы».

Вот и сегодня настроение обходчика было хорошим. Накануне они с отцом поймали в озере три больших щуки и несколько окуньков. Сёстры пообещали сделать из улова большой рыбный пирог, и в предвкушении ужина обходчик торопился домой. Он на минутку остановился там, где выпрыгнули из вагона арестанты, и подумал, что если бы прыгнул он, то прыгнул бы удачно, и, как и политического Петрова, его бы тоже не смогли догнать.

Евгений-Володя

.....

Упасть и выжить

На этой земле всё же лучше карабкаться, чем катиться.
Владимир Солоухин,
русский поэт и прозаик

1.

Пассажирский поезд № 1 Владивосток — Москва прогрохотал по железному мосту через небольшую речушку, промчался мимо таёжной

станции и, дав пронзительный гудок, ещё более прибавил оборотов.

В дверь купе постучали.

— Открыто! — крикнул Евгений, бросив на стол газету, которую перелистывал и читал последние полчаса.

Вошла проводница.

— Кофе будете, Евгений Васильевич? — слегка опустив глаза, спросила она.

Белый передничек на коротеньком синем платье едва прикрывал крутые красивые бёдра проводницы, а глубокий разрез на груди подчёркивал красоту её бюста.

— А скоро ли стоянка, Тamarочка? — Евгений встал, потянулся и, подойдя к проводнице, обнял её за плечи.

Та ещё ниже опустила голову.

— Минут через десять Тайшетград будет, стоим там немного, а большая остановка только утром, в Красноярске.

Тамара подняла голову. Рука Евгения скользнула по её спине и опустилась на бедро.

— Хорошо. Кофе поплю после.

Пассажир притянул проводницу к себе, его губы коснулись её лба, щеки, подбородка.

— Ну Евгений Васильевич, не время сейчас... Мне работать надо... — не пытаясь освободиться из объятий, проговорила Тамара.

— Обслуживание пассажиров — это главная работа проводника, — слегка отстранившись от неё, сказал Евгений. — А качественное обслуживание — обязанность всех работников министерства путей сообщения. Согласна со мной?

Тамара закивала и закрыла глаза. Его рука уже нырнула в глубокий разрез на груди.

— Евгений Васильевич... Евгений... Идти же надо...

— Хорошо, иди, — он поцеловал её в губы. — Придешь через часок. Кофе не надо, коньяк пить будем.

Тамара улыбнулась, ещё раз кивнула и, открыв дверь купе, вышла.

Евгений глянул в окно. За стеклом уже была видна восточная окраина Тайшетграда, проплыли корпуса строящегося машиноремонтного завода, горка по сортировке вагонов. Сердце учащённо забилося, когда он увидел красную пятиэтажку, а рядом двухэтажное здание из белого кирпича. Во дворе этой пятиэтажки прошло его детство, а с двухэтажным зданием городской прокуратуры у него были связаны не самые лучшие воспоминания.

«Ну что, Володя, скажешь? Куда цепочку золотую девал?» — спрашивал там его помощник прокурора. В то время его звали Володей, Евгением он стал потом. Тогда заместитель прокурора, молодой ещё, в принципе, человек, почти его ровесник, приказал снять с него наручники, угостил чаем. А он по-своему воспользовался гостеприимством:

взял и сиганул в окно со второго этажа. В зелень лета, в жаркий июльский день...

Спрыгнул неудачно, подвернул ногу на асфальтной дорожке. Подбежавшие конвоиры закрутили ему руки, стали бить по лицу, голове, наносили удары в живот, а когда он упал, начали пинать ногами. Если бы не помощник прокурора города, его бы, наверное, забили до смерти. Помощник и следователь (откуда-то появившийся вдруг там в то время) оторвали его от милиционеров, помогли прийти в себя.

Этому вот следователю он и рассказал потом всё. Обаятельный был мужик, опытный и знал подход к людям.

Боже! Сколько же лет прошло с того дня? Восемнадцать! Целая жизнь. Да нет — несколько жизней: тюрьма, зона, бега, фарцовка, налёты... А фамилия того следователя, кажется, была Антонов. Антонов... Точно, Антонов.

Воспоминания тяжёлым грузом надавили на сердце. «Ну их...» — Евгений поморщился, как от крепкого напитка.

А за окном уже показался перрон знакомого с детства вокзала, сам вокзал. Поезд замедлил ход, в душе защемило.

«К первой платформе подкатываем, — отметил про себя Евгений. — Лет двенадцать точно здесь не был...»

Вагон остановился как раз напротив центрального входа в здание вокзала. Перрон был почти пуст, если не считать нескольких старушек, торгующих сигаретами, пивом и пирожками. На городишко опускался хмурый сентябрьский вечер, и, очевидно, охотников отправиться в путешествие на фирменном поезде среди земляков Евгения не нашлось. Не было видно ни встречающих, ни провожающих.

Накинув пиджачок, Евгений поспешил к выходу.

— Десять минут стоим, не отстаньте, — улыбнулась ему Тамара в дверях вагона.

Она уже была одета в фирменные рубашку и юбочку, белокурые локоны выбивались из-под её пилотки с железнодорожной эмблемой.

— Не отстану, — Евгений подмигнул ей и шагнул на бетонный перрон.

Пройдя мимо торгующих старушек, он зашёл на вокзал, купил пачку «Мальборо», местных газет.

«А на вокзале ничего не изменилось», — отметил он про себя, возвращаясь к поезду.

Выйдя на перрон, достал из новой пачки сигарету, прикурил. Несколько мелких капель коснулись его руки.

«Вот и дождичек начинается», — сказал он сам себе, глядя в серое небо.

— Прикурить не дадите? — вдруг услышал за спиной громкий голос.

Он, слегка вздрогнув, повернулся. На него смотрел пожилой человек в помятом старом плаще,

шляпе, воротник его тёмной рубашки был наглухо застёгнут. В одной руке мужчина держал старомодный обшарпанный портфель, в другой — дешёвую сигарету, очевидно, «Приму». Взгляд его показался Евгению знакомым.

— Пожалуйста, — Евгений протянул руку, чиркнул зажигалкой.

Мужчина, кивнув, склонился с сигаретой над огнём. Это движение тоже показалось знакомым.

— Благодарю вас, — сказал мужчина, подняв голову.

Его взгляд ненадолго задержался на наклоне Евгения, сделанной много лет назад возле большого пальца на тыльной стороне ладони: «В. С.».

— Игры беспечной молодости? — спросил мужчина.

— Ошибки молодости, — отреагировал на замечание Евгений и, глубоко затянувшись сигаретным дымом, направился к вагону.

«Похож на Антонова, — подумал он о мужчине. — Похож. Такой же взгляд, такой же жест с сигаретой. Неужели менты меня выкупили? Не может быть... Пять лет прошло, как „упал на дно“... Никаких дел, никаких засветок. А если всё-таки кто-то выследил?»

— Евгений Васильевич, поторопитесь! Отправляемся, — крикнула ему кокетливо улыбающаяся Тамара.

— Тома, посмотри, пожалуйста, куда мужик в шляпе пойдёт, — сказал он, подойдя близко к проводнице.

Тамара насторожилась.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Да нет, ничего, — Евгений старался быть спокойным и даже попытался улыбнуться. — Но ты всё-таки посмотри за мужиком.

— Да он на вокзал пошёл... — Тамара смотрела на пассажира уже несколько встревоженно.

— Вот и хорошо, — Евгений легко вскочил на подножку, впрорхнул в тамбур, зашёл в вагон.

2.

Закрывшись в купе, он присел на минутку.

«Неужели это был Антонов? Да нет, вряд ли... Ведь ему сейчас примерно шестьдесят, наверняка на пенсии — помидоры на даче выращивает. А что, если он остался фанатиком и до сих пор бегаёт за преступниками? Помнится, за какое-то дельце, не понравившееся начальству, когда он посадил не того, кого надо было отцам города, его уволили из следственных органов. После он работал в угрозыске. Потом были у него осложнения с руководством в годы перестройки, и его снова отстраняли от дел...»

Евгений осторожно выглянул в окно: на перроне подозрительного человека не было. По радио объявили отправление поезда, и за окном вагона медленно поплыл вокзал. Порывшись в сумке,

Евгений достал небольшой, с ладонь, пистолет и положил его во внутренний карман пиджака.

От стука в дверь он вздрогнул, прежде чем сказать привычное: «Открыто», — сунул руку за пазуху, нащупал рукоятку пистолета.

Вошла Тамара.

— У вас всё в порядке, Евгений Васильевич? — осведомилась она.

— Нормально. Показалось мне кое-что. Так, ерунда, — Евгений старался казаться спокойным, но какая-то тревога уже поселилась в его душе.

— Вот и хорошо, — привычно улыбнулась проводница. — Кофе будете?

— Попозже. Через часок примерно.

— Хорошо.

Едва за Тамарой закрылась дверь, Евгений снова задумался. Допустим, что на вокзале он видел Антонова. Но кто мог сообщить местным ментам, что он едет именно в этом поезде? Этого никто не знал. Случайная встреча? Он давно уже не верил в случайности и совпадения.

Евгений вышел из купе. Вагонный коридор был пуст. Он прошёл в конец вагона, зашёл вначале в туалет, потом вышел в тамбур, закурил. Прикуривая, отметил, что руки его трясутся. Давненько он не испытывал такой дрожи. Сделав несколько глубоких затяжек, осторожно приоткрыл тамбурную дверь и замер. По коридору шёл тот самый человек, который так был похож на Антонова. Теперь Евгений не сомневался: это был именно Антонов.

Антонов остановился возле его купе. Подошёл ещё один человек, огромный детина в плаще, и встал рядом. Ещё двое в штатском торопливо направились к тамбуру.

Евгений вынул из кармана пистолет и ринулся было к правой двери вагона, попробовал открыть, не смог, тут же бросился к противоположной, но и та была закрыта на ключ.

«Спокойно, Женя, спокойно!» — успокаивал он сам себя. Подскочив снова к тамбурной двери, он взялся левой рукой за ручку, а правой прижал к груди пистолет.

Вычислив, когда идущие к тамбуру люди приблизятся к двери, он резко распахнул её. Расчёт его был верным: идущего первым человека ударом распахнутой двери сбило с ног, а опешившему второму Евгений выстрелил в ботинок. Ещё один выстрел он произвёл наугад вдоль коридора, поверху, над головами, туда, где стояли Антонов и его напарник.

— Сапрунов! Сапрунов, ты что делаешь? Прекрати, Сапру... — закричал ему Антонов, пригибаясь к полу.

Едва Евгений закрыл дверь, как услышал выстрел. Теперь уже стреляли в его сторону. На его счастье, дверь в соседний вагон была открыта, но едва он выскочил в тамбур следующего вагона,

как увидел через стекло вагонной двери милицейскую фуражку.

«Обложили, гады! Наверняка человек двадцать здесь орудует!»

Купе проводников было открыто. Две ещё довольно молодые женщины-проводницы о чём-то беседовали, не подозревая, что произошло в соседнем вагоне. Мгновенно сориентировавшийся Евгений схватил одну из них за белокурые кудряшки, подставил пистолет к виску.

— Быстро на выход с ключом от двери! — крикнул он.

Напарница заложницы, очевидно, не успев испугаться, смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами.

Перепуганная заложница молча показала на висевший у неё на поясе ключ, которым открывают железнодорожные вагоны.

— Быстро в тамбур! — приказал Евгений и потянул проводницу к выходу.

Несколько пассажиров, стоявших возле бака с кипятком, увидев картину захвата проводницы, буквально застыли на месте.

— Всем в вагон! — рявкнул захватчик.

На пол полетели стаканы и кружки. Две женщины завизжали и одновременно ринулись в вагон, застряв в дверном проёме.

Вытащив проводницу в тамбур, Евгений заставил её вначале закрыть двери в соседний вагон и открыть дверь входную. Когда же она сделала всё, что сказал захватчик, он бесцеремонно отшвырнул её и, широко раскрыв двери, глянул вниз.

Поезд мчался по крутому, высотой метров пятнадцать-двадцать, отсыпанному щебёнкой откосу. Где-то там, внизу, уже в сумерках, виднелся кустарник. Моросил дождь.

— Чтобы вы все передохли, петухи проклятые! — крикнул Евгений и прыгнул под откос — в сентябрьские ненастные сумерки, в приближающуюся осеннюю ночь...

3.

— Старший сержант Мазуров!

— Я!

— Сержант Травкин!

— Я!

— Сержант Зотченко!

— Я!

— Сержант Матзагиров!

— Я!

— Рядовой Сапрунов!

— Я!

— Рядовой Ханкаев!

— Я!

— Выйти из строя!

Командир второго взвода второй роты старший лейтенант Санталов, в шинели и фуражке, единственный среди офицеров танкового батальона,

не полностью перешедший на зимнюю форму одежды, громко и отрывисто зачитал приказ начальника штаба полка о том, что первая группа увольняющихся в запас должна через час прибыть к контрольно-пусковому пункту с вещами.

Построение танкового батальона проходило на спортивной площадке недалеко от двух одноэтажных казарм, где жили танкисты. Необычно холодный ноябрь 1978 года жал под минус двадцать, и комвзвода то и дело, читая приказ, потирал кончики ушей большим и указательным пальцами.

— Так вот, товарищи дембеля, сопровождающим до самого эшелона у вас буду я, — сказал он выстроившейся перед ним счастливой шестёрке — четырём командирам танков и двум наводчикам орудий. — У меня не забалуете. Документы ваши лично передам в Борзе, перед посадкой в эшелон, сопровождающим вас дальше офицерам из дивизии.

Санталова, засидевшегося в должности взводного и с лета ожидавшего приказа о присвоении очередного воинского звания, весь батальон знал как самого строгого офицера, не дававшего спуска ни молодым, ни «старикам». Наверное, было бы лучше, если увольняющихся в запас танкистов сопровождал бы кто-то другой из офицеров батальона, но, по большому счёту, теперь им было всё равно.

Они ехали домой!

Они возвращались к родителям, братьям, сёстрам, друзьям. Они возвращались к гражданской жизни! И пусть их сопровождает сегодня хоть сам командир полка, хоть замполит дивизии! Они согласны. Главное — служба подошла к концу, приказ об увольнении подписан, два года в БТВ стали историей, служба в армии — прошедшим этапом в жизни каждого из них.

Домой!

Едва последовала команда разойтись и дембеля батальона, не попавшие на первый эшелон, кто с явной завистью в глазах, кто с улыбкой на лице, пожимая руки отъезжающим, стали говорить напутственные короткие речи, Юрка Матзагир потянул Володю за рукав шинели:

— Бежим в каптёрку, пока Колесник тут с Санталовым якшается, заберём свои шмотки.

— А как мы туда попадём? — спросил Володя. — Он же на ключ дверь всегда закрывает...

— Да я уже месяц как ключ подобрал, — настойчиво подтолкнул земляка Матзагир. — Бежим скорее, пока он ворон ловит.

Они быстро заскочили на невысокое, в шесть ступенек, крыльцо казармы, прошмыгнули в дверь и, пробежав мимо поста дневального, направились к каптёрке.

Юркин ключ без труда справился с замком, и сержант, влетев в каптёрку, первым делом бросился к вешалке, где висели приготовленные для поездки домой их новенькие шинели и кителя.

Володя последовал за ним, снял свою шинель, взял портфель, купленный ещё летом в посёлке, когда ходили они с Матзагиром в патруль вместе с молодым лейтенантом Косяковым.

— Шлемофоны будешь брать? — неожиданно спросил земляк.

— Какие шлемофоны? — не понял Володя.

Юрка откинул несколько вещмешков в углу под вешалкой и раскрыл большой картонный ящик.

— Вот видишь, Колесник, старшина-то наш, штук десять новеньких зимних шлемофонов грабанул по случаю. А я видел, как они с Демидом их в расположение роты принесли. Колесник Демид старшиной роты за себя оставляет и каптёрмом по совместительству. А тот из благодарности молчать будет, и все проделки его штыми-крытыми останутся. Он позавчера чуть ли не при мне Махамбету из управления батальона предлагал купить один шлемак за двадцатьпятку. Понял, какой жучара наш старшина? Таких наказывать точно надо. Возьмём по парочке. А если он и хватится, то шум поднимать не станет. А может, сразу и не хватится. А мы через час уже тью-тью. Как будто никогда нас тут и не было. Берём?

— А если спалимся при досмотре на КПП или перед посадкой в эшелон? Тогда не домой поедем, а сам знаешь куда... Да и зачем они мне, шлемофоны? Я же по городу на гражданке в шлемофоне ходить не буду...

— Ну как хочешь, а я возьму. Они тёплые. На мотоцикле и зимой можно в них по посёлку рассекать. И каски не надо. Один дядьке отдам. Он охотник-промысловик. Наденет в тайгу вместо шапки, будет волков и рысей пугать.

— И медведей-шатунов, что в спячку не залегли, — добавил Володя.

Матзагир негромко засмеялся, спешно затолкал в портфель два шлемофона, затем, оценив, сколько места они заняли, прихватил ещё один.

— Я всё равно с чемоданом поеду. Он у меня большой — семейный. Портфель положу прямо в него, а там, возле эшелона, чуть что, шмоном запахнет, выброшу портфель вместе со шлемаками, чтобы не спалиться, — пояснил приятель.

Юрка застегнул портфель. Взял шинель и китель.

— Ну, ты своё всё забрал? — спросил он.

— Да, всё, — Володя оглянулся. — А что ещё?

— Тогда пора уходить, пока Колесник нас не накрыл, — сказал деловитым тоном сержант.

Они быстро вышли из каптёрки, и Юрка прихлопнул дверь. Английский замок щёлкнул. На звук его обернулся стоявший возле тумбочки дневальный Тагаев.

— Тагаев, если скажешь старшине, что мы заходили в каптёрку, я тебя тут же возле тумбочки застрелю из пистолета Макарова, понял? — пригрозил сержант рядовому.

— Понял, — сказал малыш Тагаев, смягчая окончание слова и шевеля растопыренными, как у Чебурашки, ушами, на которых висела не по размеру большая шапка.

— Хорошо, что понял, — сказал своему экипажнику, заряжающему орудия, командир танка. — Не посмотрю, что дома меня ждут старушка-мать и сестра-красавица, отрежу тебе уши и пристрелю.

Тагаев попытался улыбнуться, открыл рот и показал верхний ряд своих меленьких реденьких зубов.

— Вот так-то! Служи, сынок, а дедушка домой поедет.

Володя зашёл в своё расположение, пошёл к своей кровати, открыл тумбочку, сложил в портфель ещё неделю назад приготовленные им зубную щётку, пасту, крем для обуви, пару новых носков. Затем снял шинель, хэбэшку и нижнее бельё, облачился в рубашку с галстуком, под военные брюки надел штаны-трико, накинул китель со значками «Отличник Советской Армии», «Воин-спортсмен» второго разряда, синим солдатским значком второго класса. Эти знаки висели на его кителе вряд справа, а слева красовалась новенькая «Гвардия», полученная из рук замполита батальона капитана Теребова.

— Давай я тебе знак первого класса дам, — предложил Матзагир, успешный переодеться раньше и подошедший к приятелю с первоклассными знаками отличия. — И «Воин-спортсмена» надень первый разряд.

— Да ладно! — отмахнулся Володя. — Кому там всё это на гражданке надо? Там никто ничего не понимает в этом.

— Те, кто раньше нас отслужили, понимают, — настаивал Юрка, — да и остальные, кто и не служил, и женщины даже, и девчонки, сразу поймут, что первый разряд лучше, чем второй.

— Ты сержант, вот у тебя и пусть будет всё перовразрядное, а рядовой: чистые погоны — чистая совесть, мне и второй разряд сойдёт...

— Ну, как хочешь, а я лишние значки в эшелоне кому-нибудь загоню или обменяю на что-нибудь полезное.

Казарма к тому времени стала заполняться вернувшимися после построения сослуживцами. Некоторые подходили к ним и говорили новые напутствия, большинство из которых было связано с выпивкой и девчонками. Одни предлагали им во время застолья всегда пить за тех, кто на посту, другие советовали совсем не пить, третьи — не жениться сразу и даже с любимыми, ожидавшими их девчонками первое время быть поосторожнее, присмотреться к ним (мало ли что за два года было там, на гражданке), и только убедившись в их верности, принимать решение: идти в загс или подождать.

Володя сразу вспомнил о Кате — двоюродной сестре Юрки, с которой он переписывался

восемь последних месяцев службы, её красивых длинных волосах и глазах с большими ресницами на фотографии. «В жизни она ещё красивее», — говорил ему земляк Юрка, способствовавший их заочному знакомству и переписке. И Володя иногда думал: «Ну как тут устоять, не растаять перед такой красавицей?» Он тоже пытался способствовать заочному знакомству и переписке между приятелем и своей двоюродной сестрой Ольгой, но после двух-трёх писем переписка их захлебнулась, и теперь Володя чувствовал себя несколько виноватым перед земляком-приятелем. Виноватым чувствовал он себя и перед Катей, потому что не поставил её в известность, что подал документы на подготовительное отделение исторического факультета Иркутского госуниверситета и что первого декабря его ждёт собеседование в городе на Ангаре, где и жила его двоюродная сестра Ольга. Катя, закончив торговое училище, работала теперь в леспромхозовском магазине в посёлке, где жил Юрка, и Володя должен был за две недели, вернувшись домой, успеть не только подготовиться к собеседованию, но и побывать в дальнем леспромхозовском посёлке и отметить с друзьями по школе, тоже вернувшимися этой осенью из армии, встречу в лучшем ресторане города.

— Ну что, дембеля, надели кителя? — голос старшего лейтенанта Санталова вывел Володю из раздумий. — Если готовы — на выход!

На выходе из казармы уже стояли в шинелях, новеньких шапках и с дембельскими чемоданчиками и портфелями Зотченко, Мазуров, Ханкаев и Травкин. Санталов по-прежнему был в повседневной шинели и фуражке. В руках он держал портфель-дипломат.

— Выходим! — скомандовал старлей и сам первый шагнул в дверь на двадцатиградусный мороз.

Остающиеся в казарме солдаты и сержанты по очереди пожимали уходящим навсегда руки и выкрикивали новые напутствия:

— Вовка, Сапрунов! Стань режиссёром, снимки кинушку про армию!

— Юраха, Матзагир! Будешь моряком — привези из заграничья кокосов и маленькую кенгуру!

— Мазур, когда вырвешься в министры в своей Калмыкии, не забудь нас пригласить в правительственный загородный коттедж!

Травкину желали стать главным охотоведом, Ханкаеву — трактористом-ударником в родном его совхозе, Зотченко — почему-то милиционером. Уходящие навсегда из этой казармы кивали и говорили все одно:

— Ладно, ладно, ладно...

Уже на выходе Володя окликнул дежурного по роте:

— Жунусов! Выгони кого-нибудь с венником на крыльцо. Пусть следы заметёт.

— Понял! — быстро отозвался Жунусов и дал команду дневальному: — Тагаев, возьми щётку в умывальнике.

Володя вышел на улицу последним. Увольняемые уже выстроились в колонну по двое. Он встал рядом с замыкающим Ханкаевым.

— Так, все шестеро? — проверил ещё раз Санталов. — Ну что, проведу вас в последний раз по полку.

Дверь казармы хлопнула ещё раз. На крыльцо выскочил Тагаев с щёткой на длинной ручке и начал быстро подметать.

— Ну вы, друзья, и даёте! — ухмыльнулся старший лейтенант, глядя на дневального. — Я тоже уезжать отсюда буду — попрошу, чтобы и за мной следы замели.

Старлей дал команду, и они прошли. Сначала вдоль казармы, потом свернули по направлению к контрольно-пропускному пункту. На повороте Володя чуть сбавил шаг, глянул на длинное белое здание, служившее ему кровом полтора года. Он понимал, что видит его в последний раз в своей жизни. На крыльце стояли Жунусов и Тагаев. Жунусов помахал рукой. Володя в ответ поднял левую руку.

«Их я тоже вижу, наверное, в последний раз в жизни, — подумал он. — Один из Казахстана, второй из Киргизии. Навряд ли судьба сведёт нас когда-нибудь снова...»

4.

Белая, подновлённая за лето снаружи казарма, и белое крыльцо, и стоящие на нём Жунусов с Тагаевым вдруг поплыли сначала влево, а потом вверх. Поплыла асфальтовая дорожка с притоптанным снегом на ней. Растаял впереди идущий старший лейтенант Санталов, закачался строй счастливых дембелей, и Юрка Матзагир, и Травкин, и Мазуров, и Зотченко с Ханкаевым растворялись и исчезали прямо на глазах.

«Что со мной? Что? Куда они?» — испугался Володя.

Строй пропал, а перед глазами возникли вдруг зелёные ворота контрольно-пропускного пункта с большими красными звёздами на створах. Створы раскрылись, и густая темнота стремительно помчалась на него.

5.

Несильный мелкий дождик освежал лицо — лоб, щёки, подбородок. Евгений попробовал поднять правую руку, лежавшую у него на груди. Но небольшое движение отдавалось болью по всему телу. Левая рука была за спиной. Он понял, что лежит на ней, подогнув ноги. Попытка разогнуть колени отозвалась уколом в пояснице.

«Неужели я и ноги, и руки повывихнул? — пришла в голову страшная мысль. — Не дай Бог, повредил ещё и поясницу...»

Память вернулась сразу: вагон, проводница, вокзал, Антонов со своєю ментов, перестрелка в поезде и прыжок под откос.

Было темно, но он разглядел внизу, метрах в десяти-двенадцати, мокрую от дождя дорогу. «Видимо, Московский тракт», — вспомнилась ему география родных мест. За дорогой чернели кусты и журчала вода.

«Речушка... Туда не надо. Там вокруг болотистая местность. Кочки. Если они уже бросились на поиски, то первым делом поедут по тракту и начнут прочёсывать низину. Надо ползти наверх, за железной дорогой кладбище. С города туда ментам напрямую не проехать: только через переезд, потом вдоль отходящей от Транссиба Абаканской ветки, после им придётся спуститься вниз по дороге, и только потом смогут захватить на кладбище. Если успею добраться наверх и спуститься вниз с откоса, то можно попытаться пройти через кладбище, выйти к дороге на Абакан и зацепиться за проходящий там по однопутке на низкой скорости товарняк».

Евгений глянул наверх. Ползти предстояло метров пятнадцать по острой, грубой щебёнке. Он попробовал повернуться сначала на бок, потом на живот. Боль в пояснице была нечеловеческой, но он стерпел и, преодолевая её, попробовал ползти. Попытка оказалась неудачной. Щебёнка под ним зашевелилась и поехала. Евгению показалось, что он тоже скатился вниз вместе с камнями на полметра, а то и больше. Он потянул правую руку вверх и снова сделал попытку подтянуться, но камушки предательски катились на него.

«Каюк! Скоро милицейский наряд будет здесь. С собаками и автоматами. Возьмут тёпленького, на этом вот откосе, у тракта, где в дестве грибочки, маслята с боровичками, собирал».

От негодования и бессилия он начал шевелить пальцами обеих рук, разводя руки в стороны. Правая рука неожиданно коснулась чего-то холодного и мокрого. Евгений на ощупь определил, что это холодное и мокрое — тонкое и металлическое. Повернул лицо. В темноте различить было сложно, но он догадался, что это проволока, тянувшаяся то ли сверху вниз, то ли снизу к железной дороге. «Заземление какое-то, что ли? — подумал он. — А если она под напряжением? Нет, если бы под напряжением была, то шаркнуло бы уже. Надо цепляться за неё и подтягиваться».

Евгений потянул на себя проволоку. Она не поддавалась, осталась на месте. Он подтянулся к ней. С трудом уцепился второй рукой. Потом, перебирая её, словно канат, попробовал потянуть тело вверх. Помогая ногами, он сделал первую удачную подтяжку.

«Пять сантиметров, наверное, есть, — отметил он. — Таким темпами как раз к утру до путей полтора, а потом ещё через рельсы и шпалы час-полтора переползает буду... Если проходящий поезд не отрежет голову, то к обеду доберусь до кладбища. Только вот дадут ли мне товарищи милиционеры время на такое путешествие?»

Думая об этом, он ещё раз перехватил проволоку и подтянул ноги. На этот раз, как ему показалось, он уже точно поднялся немного вверх.

На душе сразу полегчало. И он попробовал улыбнуться.

Надо же, воинская часть вдруг как наяву увиделась... Казарма... Армейские друзья... Правда, другом можно назвать из всех, кто пригрезился ему, только земляка Юрку Мазагира, остальные — просто сослуживцы.

Евгению вдруг захотелось, так захотелось увидеть снова всех их, тех молодых парней, увольняющихся в запас из Советской Армии в ноябре 1978 года, обнять каждого и сказать: «Ребята, мы сейчас, вот в это время, в эти часы и минуты, самые счастливые на свете люди! Давайте сэкономим эти минуты и мгновения. Они не повторятся больше никогда!»

Поняли бы тогда они, те молодые двадцатилетние парни, два года прошедшие вдаль от родного дома, в полном смысле его слова? Понял ли бы он сам, если бы ему кто-то сказал так? Наверяд ли. Все они в то время, в тот день, в те часы были убеждены, что жизнь для них только сейчас и начинается, всё худшее позади, а впереди только лучшее.

6.

Возле контрольно-пропускного пункта собралось двадцать восемь человек из тридцати, назначенных приказом на первый дембельский эшелон.

— Один в санчисти застрял, видно, домой уже не хочет, — пояснил Санталову дежурный по полку командир артдивизиона капитан Смирнов. — А ещё одного замполит полка лично отпустил вчера. Выдал ему документы, а патруль наш его на автобус рейсовый посадил. Отправили и помахали. Видимо, чтоб не вернулся. У него что-то дома там. В общем, попросил, чтобы по семейным делам его раньше отпустили. Но, думаю, соврал, он штабной был писаришка. Выслужился перед замполитом, видать.

— Да и Бог с ним! — махнул Санталов. — Мне меньше мороки.

Среди первых увольняющихся из части танкисты приветствовали Толика Камасва, окончившего с ними танковую учебку, но по прибытии в полк почему-то направленного в артдивизион, в отдельный зенитный взвод.

— А Лёха Кисель, мой земляк, на потом остался? — спросил Толик танкистов.

— Да, на потом, — ответил ему Юрка. — Многих на потом. Это нам повезло.

— Повезло! — улыбнулся письмоносец Кривцов, штабист, два года ходивший рядовым, а теперь, к удивлению всех, надевший сержантские погоны. — Повезло нам. Мы — первые!

— Можно и так сказать... — отреагировал на его слова Матзагир.

Камай оказался единственным из артдивизиона, записанным на первый эшелон. Кроме штабиста-письмоносца, трое увольняемых представляли разведроту, двое — автороту, остальные были из мотострелковых батальонов. Танкисты и зенитчик Камаев хоть не один раз видели их на общем построении в полку, но по фамилиям и именам не знали никого.

— В две шеренги становись! — командовал дежурный по полку, заметив приближающихся к КПП замполита полка подполковника Жирненко и начальника полкового штаба майора Мацука.

Увольняющиеся в запас выстроились в два ряда на дорожке, идущей от ворот контрольно-пускового пункта.

— Равняйся! Смирно! — командовал капитан Смирнов и, повернувшись к подошедшим замполиту и начштаба, взял под козырёк.

— Товарищ подполковник, — обратился дежурный по полку к Жирненко как старшему по званию и должности. — Группа военнослужащих, увольняемых в запас и отбывающих к эшелону, построена. По списку тридцать человек, по факту — двадцать восемь. Докладывает дежурный по полку капитан Смирнов!

— Да я в курсе, что их двадцать восемь, капитан, — тоже взяв под козырёк, сказал подполковник и командовал: — Вольно!

— Вольно! — повернулся к уволенным в запас дежурный капитан.

— Ну что, братцы, дождались? — спросил по-домашнему их замполит, подойдя близко к строю. — Никто на сверхсрочную не хочет?

Отбывающие на эшелон молчали.

— Да, вижу, не хочет никто, — улыбнулся подполковник. — Ну ладно. Смотрите там, на гражданке, держите марку гвардейцев и помните: вы остаётесь воинами. Только пока будете в запасе. Ну а если что, тогда по первому зову Родины — к боевым машинам. Понятно?

— Так точно... — ответили несмело несколько человек из мотострелковых батальонов.

Замполит довольно кивнул.

— А оружие или боеприпасы никто из вас с собой не прихватил? — спросил то ли строго, то ли шутя начальник штаба. — Санталов, ты своих проверял?

— Так точно, проверял! — отозвался сопровождающий старлей, стоявший недалеко от дежурного по части.

Юрка толкнул Володю:

— Молодец Санталов! Соврал замполиту. Можно сказать, отмазал нас!

— Рано радуешься, ещё в эшелон пройти надо, — тихо сказал другу Володя.

— Может, и там пронесёт. Кому хочется в такой радостный день настроение друг другу портить?

— Это для нас праздник, а для офицеров обычный день.

— Да не скажи! Лучше дембелей сопровождать к эшелону, чем в полку тут болтаться на глазах начальства, — заметил Юрка. — А сегодня действительно знаменательный день. Десятое ноября тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, пятница.

— День милиции, — напомнил ему Володя.

— Да, надо же, в День милиции увольняемся, — улыбнулся Юрка. — Это знаменательно. Помнишь, нас же десятого ноября, ровно два года назад, увозили с тайшетградского вокзала?

— Ещё бы не помнить...

7.

Володя хорошо помнил, тот солнечно-морозный день десятого ноября 1976 года.

Была среда. Он, уже остриженный наголо, почти не спал свою последнюю ночь на гражданке. Встал около семи. Мать, видимо, тоже не спала. В сковородке жарилась яичница с колбасой. К девяти часам он, мать и две сестры поехали в военкомат. В походной сумке его было немного поклажи: полотенце, мыло, щётка, зубная паста, небольшой кулёк конфет, булка белого хлеба и около килограмма сала с прослойкой, как он любил. Мать специально принесла сало накануне и завернула ему в полиэтиленовый пакет. Она предлагала Володе взять с собой ещё на запас тёплые вещи, шерстяные носки, но он отмахнулся:

— Там всё равно заберут и выдадут форму.

В военкомате собрались двенадцать человек, призванных на этот день. Володя никого из них не знал. Местные были из другой половины города, а семеро призывников приехали из сёл и деревень района.

Их выстроили в одну шеренгу в коридоре военкомата, провели переключку. Затем капитан и майор вывели призывников на улицу. За призываемыми в армию последовали их родственники, числом превосходившие новобранцев как минимум раз в три. Пока шла переключка, родственники захватили все стулья и скамейки в коридоре военкомата. Тем, кто помоложе, мест не досталось, и они крутились возле строя и мешали делать переключку.

Укрыльца военкомата призывников построили в колонну по двое, и капитан сообщил, что до вокзала они пойдут пешком. Родственнички шумной гурьбой последовали за строем. Вначале они все

шли сзади, изредка выкрикивая своих, но на повороте с улицы Горького на Транспортную самые бойкие из родных вклинились в строй и пошли рядом с новобранцами. Майор вначале пытался одёрнуть подвыпивших отцов, братьев и друзей молодых солдат, но, осознав тщетность своих усилий, успокоился и пошёл рядом с капитаном впереди распавшегося строя.

На вокзале они узнали, что едут не воинским эшелоном, а обыкновенным пассажирским поездом, в плацкартном вагоне. На перроне их ещё раз построили, провели новую перекличку, а потом отпустили на полчаса к родственникам. До прибытия поезда.

На вокзал пришёл и Володин дядька — двоюродный брат матери Виктор. Он работал слесарем на мясокомбинате и принёс племяннику полпалки докторской колбасы.

— До Иркутска полдня ещё и ночь ехать будете — проголодаетесь, — пояснил дядька, заталкивая колбасу в сумку племянника, не беря в расчёт, что у того есть сало.

— И сало съедите, и колбасу. Вон вас сколько, архаровцев, едет...

«Архаровцев» пригласили по громкой вокзальной связи на перрон, когда подошёл поезд. Снова построили.

— Ваши два последних плацкарта и четыре боковых места, — объяснил майор. — С вами поедет сопровождающим капитан Попов. Но у него билет в другой вагон, поэтому вас разместит и пойдёт к себе. А вы, я надеюсь, люди самостоятельные и сами вполне за себя ответить можете.

— Так точно! — крикнул из строя стоящий левее всех парень в синей болоньевой куртке, с обвязанным вокруг шеи красным шарфом.

— Молодец! — похвалил его майор. — Как фамилия?

— Призывник Кухарук! — снова бойко ответил парень.

— Назначаешься старшим группы, — сказал ему майор, — в течение поездки будешь докладывать капитану Попову, как обстоят дела. Ясно, призывник Кухарук?

— Так точно, товарищ майор! — снова отозвался бойкий призывник.

— Ну и отлично, — сказал майор уже капитану, — вот с этого бойца и спрашивай за всех!

— Есть, — отдал честь капитан.

В вагон их посадили сразу, как только проводники открыли двери. Поезд стоял ещё минут двадцать, и всё это время призывники, прильнув к окнам, махали руками родственникам, а родственники им.

Володе и упитанному смуглому паренюку достались боковые места возле двери.

— Юрка! — представился паренёк, когда Володя назвал своё имя. — Ты где спать любишь — наверху или внизу?

— Да мне всё равно.

— И мне всё равно. Давай тогда я наверх поеду, а ты уже внизу будь, — предложил парень.

— Давай.

Так Володя познакомился с Юркой Матзагировым — татарин из леспромхозовского посёлка, с которым они прослужили все два года.

Они спали рядом на деревянных нарах в призывном сортировочном пункте в Иркутске. Там их, вместе с Кухаруком, определили в одну команду. Вместе ехали потом эшелоном до Читы и были распределены в танковую учебную часть. Кухарука заметили и там — направили учиться на командира танка, а Володю с Юркой зачислили в роту наводчиков орудия средних танков. Друзья попали даже в один взвод.

Зима с 1976-го на 1977 год выдалась суровой. Курсантам-наводчикам, да и будущим командирам железных машин, и механикам-водителям, постигавшим азы армейской жизни, пришлось несладко. Нужно было в холодном тренажёрном зале за восемь секунд по команде успеть открыть люки Т-54 и уместиться на местах заряжающего, наводчика и командира. На трансмиссии танка стоял сержант с толстым прутом — коленом от танковой антенны — и подхлестывал не успевших улечься в срок.

Друзьям-новобранцам поначалу нередко доставалось по спине и по затылку. Доставалось и после неудачных стрельб. Зато ближе к весне они влетали в танк уже за шесть с половиной секунд и поражали цели отведённым для них количеством патронов.

По-разному складывалась служба земляков в учебной части. Володя в начале марта на вожде-нии танка отморозил правую щёку, и она покрылась вначале волдырями, а потом коричневой коркой — коростой. В санчасти ему выдали какую-то мазь, а старшина определил горе-курсанта на трое суток дневальным по роте. В апреле Юрка отличился на полигоне в стрельбах из движущегося танка и был отмечен командованием полка.

Нередко на общих разводах и построениях они встречали хваставшегося своими успехами в боевой и политической подготовке Кухарука. Политподготовка Володе давалась гораздо легче боевой. Замполит роты восхищался его знанием географии и рассказами о политическом строе в той или иной стране и ставил в пример остальных курсантам взвода.

К маю, когда появилась первая травка, молодых танкистов чаще стали выгонять на спортивные площадки, и вот там не слишком ловкий на турнике курсант Сапрунов показал себя хорошим футболистом. Впрочем, и земляк его, курсант Матзагиров, владел мячом неплохо.

После сдачи экзаменов, десятого мая, друзья в числе двадцати курсантов полка отправились

из учебной части в дальний путь. Их путешествие по Забайкалью проходило на автомашинах, поездах, автобусах и даже на пароме. С пересадками добрались до города Сретенска, где их группа сильно поредела: тринадцать бывших курсантов остались там, а остальных через сутки повезли дальше — к советско-китайской границе, к реке Аргунь, в стрелковую часть, в состав которой входили танковый батальон, артдивизион и разведроты. Снова ехали теперь уже бывшие курсанты по дорогам Забайкальского военного округа автомашинами, переплывали паромом через реку Шилку. А до посёлка, на окраине которого стояла воинская часть, они добрались на рейсовом пассажирском автобусе. В пути и познакомились земляки с Травкиным, Зотченко, Мазуром, Ханкаевым, Камаем.

8.

И вот полтора года в воинской части, среди сопок и редких пролесков, с короткими выездами на полигон, остались позади. Армейские переживания, стрельбы, наряды по роте и на кухню, в караул можно забыть навсегда. Впереди другая жизнь.

— Ну что, Санталов, командуйте, — приказал сопровождающему замполит полка. — Машина у ворот ждёт вас.

— Есть! — старший лейтенант поднёс правую руку к козырьку фуражки. — Группа, напр-ра-во! На КПП шаго-ом м-марш!

В последний раз каждый из них прошёл через проходную КПП, потрогал руками знакомую вертушку и вышел за пределы полка.

«Урал», крытый брезентовым тентом, уже ждал их.

Возле машины построились снова.

— Товарищи дембеля, — обратился к ним вышедший следом за ними из КПП краснопогонник в бушлате. — Просьба занимать скамейки ближе к кабине и садиться плотнее друг к другу. Первую от борта скамейку желательнее не занимать. Обдуть будет. И снежная пыль, и дорожная могут доставить неудобства. Я прикрою тент сзади, укреплю так, чтобы была вентиляция.

— Водила, что ли? — спросил Юрка земляк.

— Похоже, что нас повезёт, — предположил Володя.

— Эй, Сидор, — выкрикнули из строя. — Вешайся, пока не поздно. Тебе ещё служить и служить!

— Да полгода осталось. Зиму перекантуюсь и — как вы, в родные края! — отозвался с улыбкой водитель.

— Тоска тебе!

С водителем, видимо, общался кто-то из своих — авторотчиков.

— По двое загружайся! — прервал разговоры и выкрики Санталов.

Дембеля, помогая друг другу, забрались в кузов «Урала».

Володя с Юркой оказались в середине. На одной скамейке с ними — Зотченко, Ханкаев, бывший письмоносец Кривцов и сержант из мотострелков. Травкин с Мазуром уселись на следующей скамье — ближе к кабине. Тент закрылся. Было слышно, как Санталов поторопил водителя, дверцы хлопнули, ожил мотор, и машина подалась вперёд!

— Поехали! — крикнул Юрка. — Прощай, Нерчинский завод!

— Прощай! — повторил за ним Кривцов.

— Прощай! — подхватили несколько голосов.

— Давай, водила! Вези прямо на ту сторону Байкала! — выкрикнул Володя, поддерживая земляка.

— Дава-а-а-а-а-а-а-а-ай! — закричали спереди и сзади.

— А мне бы до этой стороны озера добраться! — высказался Травкин.

Володя знал, что Травкин жил в Бурятии, недалеко от Байкальского заповедника.

Восторг переполнял грудь Володи и, наверное, каждого, кто был в кузове машины. Поначалу все враз заговорили. Шутили и громко смеялись. Но через полчаса пути разговоры начали затихать, и некоторые даже задремали.

Примерно часа через два машина остановилась.

— Калга, видимо, — сказал кто-то, хорошо знавший географию этих мест.

— К машине! — последовала извне команда Санталова.

— Отбрасывайте тент! — крикнул им водитель Сидоров.

Сидевшие ближе к выходу приподняли брезент.

На улице уже начинало смеркаться. Короткий ноябрьский световой день заканчивался.

— Полчаса времени на приём пищи и другие дела, — сказал Санталов спрыгнувшим с машины солдатам и сержантам. — Вот кафе-столовая, за ней отхожее место. Через полчаса все стоят у машины. Кто опоздает — остаётся. Ждать не буду никого. Понятно!

— Так точно! — ответил за всех старший сержант Мазуров.

Уволенные в запас рванулись к деревянному одноэтажному зданию с высоким крыльцом. Вмиг пустовавший зал кафе-столовой наполнился движением. Шинели снимать не стали. Некоторые сразу заняли места за столами — на себя и сослуживцев, другие, оставив портфели и чемоданы на стульях, выстроились в очередь возле одинокого умывальника.

Юрка с Володей взяли по рассольнику и картошку-толчёнку с котлетой, компот. К их столу подсоединились Зотченко с Ханкаевым.

— Слушайте, бойцы, там водка продаётся, — сказал Зотченко. — Может, возьмём бутылочку

на четверых? По сто с лишним грамм на брата получится. Нормально, чтобы не замёрзнуть.

— А Санталов разрешит? — спросил Юрка.

— А кто его спрашивает? Вон краснопогонники уже затарились и распивают... — кивнул Зотченко на соседние столы.

— Давай? — глянул Юрка на друга.

— Давай, — кивнул тот.

— Я беру, а вы пока тут скидывайтесь, после отдадите, — сказал Зотченко, возвращаясь к кассе.

Санталов сидел один за столиком у самой стенки, недалеко от входа.

— Может, позовём? — предложил Юрка, глядя на Зотченко.

Зотченко кивнул и пошёл к столику старшего лейтенанта. Присел на свободный стул. Всем было видно, как сержант подошёл, обратился к старлею, а когда тот кивнул, подсел на свободный стул и начал говорить. Санталов вначале слушал, потом посмотрел на него, повернулся к их столику, а потом, отодвинув тарелку с солянкой, поднялся и подошёл.

— Товарищ старший лейтенант, выпейте с нами сто граммов для сугрева, — встал ему навстречу Матзагир.

— Только по сто и не больше, — согласился Санталов.

Зотченко поднёс ему до половины налитый стакан.

— Ну, за вас. Чтобы вам всем хорошо жилось на гражданке! — произнёс короткий тост старлей и стоя выпил.

— Спасибо, спасибо, товарищ старший лейтенант! — заговорили все четверо.

Санталов кивнул и хотел было вернуться к своему столу, но буквально подлетевший к ним Мазуров предложил сопровождающему офицеру пройти к их с Травкиным столику.

Санталов заторгал головой, давая понять, что больше не хочет, и пошёл назад, к своей остывающей солянке.

Но старший сержант Мазуров не растерялся и принял, на взгляд всех танкистов, очень правильное решение — отнёс полстакана водки к столику командира. Санталов молча принял подношение.

Дальше поехали снова весело. Взбодрённые и согретые солдаты и сержанты опять заговорили все враз, едва машина отошла от стоянки.

О чём они тогда говорили с Матзагиром и Зотченко, какие реплики вставлял Ханкаев, Володя уже не помнил. В памяти осталось построение перед посадкой в эшелон, при свете тусклых фонарей. Эшелон искали на запасных путях. Под командованием Санталова они примерно с полкилометра прошагали от вокзала до вагонов. Потом Санталов разыскал начальника эшелона, вручил их документы какому-то капитану и,

лично за руку попрощавшись с каждым из солдат и сержантов своей части, пошёл обратно к вокзалу.

— Ну что, готовьте свои чемоданчики к досмотру! — скомандовал капитан, проведя переключку. — Поставить их перед собой и раскрыть!

Стоявший рядом с Володей в первой шеренге Юрка быстро юркнул во второй ряд.

Они стояли на неширокой платформе между путей, перед вагонами. Точнее, перед вагоном с номером девять. Позади их вагонов не было, и, как понял Володя, приятель, скорее всего, на ходу решил открыть свой объёмный чемодан и бросить портфель со шлемофонами под платформу.

Капитан светил фонариком и заглядывал в чемоданы и портфели. Смотрел он поверхностно, не наклоняясь и не сильно разглядывая дембельскую поклажу.

— У остальных примерно то же? — спросил он, когда обошёл первую шеренгу.

— Так точно! — выкрикнул из второго ряда Юрка Матзагир.

— Автоматы, пулемёты, пистолеты Макарова, патроны, гранаты, взрывпакеты никто с собой на гражданку не прихватил?

— Никак нет! — раздался снова из второй шеренги голос Матзагира.

«Ну что он орёт? Сам к себе внимание привлекает...» — забеспокоился за приятеля Володя.

— Ладно, верю, — сказал капитан. — Поднимайте свои дембельские чемоданы — и шагом марш вперёд, к седьмому вагону. Заходим по одному и занимаем первые свободные места. Всем всё понятно?

— Так точно! — на этот раз ответил первым Володя, думая отвлечь на себя капитана и дать возможность другу принять новое решение.

Немного сбив строй, Володя перескочил во вторую шеренгу и нашёл Юрку. Тот не успел затолкать портфель со шлемофонами в чемодан и теперь держал в одной руке две ручки, прикрывая портфель снаружи чемоданом.

— Иди рядом и прикрывай! — сказал он Володе. — Там, в вагоне, уже всё уложу.

Капитан стоял у двери вагона и следил за посадкой.

Земляки в компании с бывшим письмоношцем подошли к вагону последними. Володя встал перед капитаном и подтянул ближе к себе Кривцова. Юрка остановился за их спинами.

— Фамилия? — спросил капитан, очевидно, сразу всех троих.

— Сержант Матзагир! — выкрикнул Юрка.

— Есть такой, — сказал капитану находившийся рядом с ним и заглядывающий, очевидно, в список незнакомый им старший сержант.

— Проходи, — кивнул капитан.

— Рядовой Сапрунов! — не дожидаясь напоминания, выкрикнул Володя, едва приятель подошёл к двери вагона.

— Есть, проходи, — скомандовал ему старший сержант, делая отметку в списке.

Володя подтолкнул друга, поднимающегося вверх по ступенькам, и, едва не наступая ему на ноги, заскочил на подножку.

— Осторожнее, вы! Успеете! — сделал им вслед замечание капитан. — Не хватало ещё покалечиться и к маме с папой с переломами и ушибами приехать.

— Сапрунов, Матзагир, сюда! — услышали они, едва вошли в вагон.

Из другого конца, стоя в проходе, им кричал и махал Зотченко.

Юрка с Володей протиснулись по узкому проходу в конец вагона.

— Мы решили все вшестером тут обосноваться, в последнем плацкарте, — пояснил Зотченко. — Так как вы замыкающие, вам достались боковушки у дверей.

— Ну прямо один в один, — улыбнулся Юрка, очевидно, вспомнив день призыва и места, на которых они ехали в пассажирском вагоне.

— Да, от судьбы не уйти, — понял его Володя, присаживаясь за столик на боковушку у дверей.

Эшелон простоял всю ночь. Утром было видно в окна, что привезли ещё одну группу дембелей и определили их в соседние вагоны. Несколько раз по эшелону проходили офицеры, спрашивали, кто из какого подразделения прибыл на эшелон и кто куда следует.

— Ну, такими темпами мы и к понедельнику домой не доберёмся, — сказал Юрка всем танкистам, когда они сели то ли завтракать, то ли обедать часов в одиннадцать.

Открывали консервные банки и ели выданные им тушёнку и перловую кашу с мясом, запивая кипятком, подкрашенным рассыпной заваркой.

После полудня эшелон наконец дёрнулся с места, заскрипел тормозами и медленно отправился в путь. Поезд то набирал ход, то полз тише черепахи. От нечего делать они весь день играли в карты.

К вечеру добрались до Читы, где снова стояли долго. Разведка донесла, что к эшелону подцепили, по одним данным, два, а по другим — ещё три вагона. Дальше поезд снова пошёл с переменной скоростью. Юрка с Володей попеременно забирались на верхнюю полку и пробовали читать прихваченную ими из части книгу колумбийского писателя Маркеса «Сто лет одиночества». Чтение шло медленно, как и движение состава. Мало что запоминалось. Матзагир дважды прошёлся по вагонам: в одну и другую сторону в надежде обменять значки. Но обмена не получилось. У всех уволенных в запас знаков оказалось с запасом.

9.

Ранним утром в Улан-Удэ простились с Травкиным. Особо горячо прощался Мазур. Со слезами.

— Ты, Толик, только пиши мне, пиши обязательно, — даже не просил — умолял он. — И как только будет возможность, приезжай ко мне в Элисту или в Волгоград, где я буду учиться.

— Хорошо, Лёня, хорошо. Я обязательно напишу, обязательно приеду, — говорил ему Травкин.

Было видно, что он разрывается между печалью и радостью. Ему трудно прощаться с армейским другом, и в то же время он торопится быстрее сойти с поезда и во весь дух помчаться домой.

— Мне сейчас на автовокзал надо, на автобус, — объяснял сержант Толя Травкин. — Ещё почти двести километров пылить. Но вечером уже дома буду — сто процентов.

— А мы такими темпами к вечеру и до Иркутска не доедем... — вздохнул, когда проводили Травкина, Зотченко.

Он, к счастью для многих, оказался неправ. Поезд набрал обороты, миновал по краю заледевший у берегов, но ещё бушующий Байкал и на всех парах помчался к Иркутску.

Примерно в районе Слюдянки раздалась команда:

— Тем, кто едет до Иркутска, получить документы в штабном вагоне!

— Давай и мы пойдём, — предложил Юрка Володе. — Сопровождающим сейчас всё до лампочки: чем меньше народу в эшелоне, тем им лучше.

Они пошли вместе с Зотченко и Ханкаевым в штабной вагон и на удивление, лишь назвав свои фамилии, сразу же получили документы.

— Сойдём в Иркутске, переночуем у моей тётки, — сказал Юрка, — там, где Катя твоя жила, когда училась здесь. Завтра с утра погуляем по городу, твоих навестим, а вечером на «Ангаре» домой поедем.

— Ну ладно... — не стал спорить с ним Володя.

— Братцы, просто не верится: ещё двое суток назад мы выезжали из своей части, а сегодня я дома. В чистой постельке, как белый человек, спать буду! — радовался Зотченко.

Остававшийся один в плацкарте Мазур снова прослезился, прощаясь с сослуживцами.

— Ну что, закатим в ресторан? — предложил Зотченко, когда они вышли на перрон.

— Ресторан нам не по карману, — сказал Юрка. — Да и патруль ещё нас может прижучить, подвыпивших.

Володя понимал: земляк всё ещё переживает за шлемофоны, что лежат у него в чемодане.

— Да я угощаю. У меня деньги есть! — настаивал Зотченко. — А патруль что нам? У нас документы в порядке. Мы — уволенные в запас. Мы уже гражданские, Матзагир, Юрания, пойми это!

— Пока в форме — не гражданские, правда, Вовка? — попросил поддержки у приятеля Матгара Юрания.

— Вообще-то да, — поддакнул Володя, но, наверное, всем было заметно, что сказал он это неуверенно.

Володе понравилась предложение Зотченко посидеть на прощание в ресторане. Это было одно, а второе — он вдруг с новой стороны открыл для себя Зотченко, который в батальоне числился в угодниках начальству, и поговаривали, что даже был стукачом.

— И Ханкаеву на автовокзал надо. Правда, Дамир? — искал ещё одного сторонника Юрка.

— Дамир у меня переночует, а завтра его на автовокзал отец на «Жигулях» отвезёт, — не сдавался Зотченко.

И вдруг он на ходу сменил тактику.

— Идея! Вы все оставайтесь сегодня у меня на ночлег. У нас трёхкомнатная квартира. Всем место найду! Не хотите в ресторан — поехали ко мне. Сейчас тачку поймаю.

Второе неожиданное предложение Зотченко показалось всем заманчивым, и друзья-земляки и Ханкаев капитулировали перед натиском неуступчивого сержанта.

А через десять минут белая «Волга» мчала танковый квартал по освещённым улицам города, через мост над Ангарой.

То, что Зотченко зовут Сергеем, друзья вспомнили, когда услышали это имя от родителей сержанта.

Отец, открывший им дверь, растерялся лишь на миг, быстро сообразил, что к чему, и, крикнув в квартиру:

— Серёга вернулся! — кинулся обнимать сына.

Из квартиры в коридор выскочили мать и сестра Зотченко и тоже бросились к сыну и брату.

— А это мои друзья, папа, познакомься! — представил сослуживцев счастливый сержант. — Два года, батя, на броне вместе, понимаешь?

— Ого! Целый экипаж! — воскликнул отец, пожимая гостям руки. — Да я как никто понимаю, сынок! Я же ведь, не забывай, тоже танкист! Ещё «тридцатьчетвёрки» застал. Служил на Украине. Меня Борис Семёнович зовут, а мать — Ольга Андреевна, сестра Сергея — Тоня.

После застолья с обильными едой и питьём Сергей лично расстелил Юрке и Володе на диване, Ханкаеву поставил раскладушку, а сам лёг рядом на полу, постелив себе шубу.

Володя уснул почти сразу, а когда проснулся, Ольга Андреевна с Тоней уже накрыли новый стол на кухне.

После того как умылись и позавтракали, Борис Семёнович, подогнав к дому «Жигули» и поехал сначала к автовокзалу, где высадили Дамира Ханкаева, а потом к вокзалу железнодорожному. Перед тем как выйти из «Жигулей», Зотченко-младший достал из бардачка машины начатую бутылку

водки, колбасу, хлеб и, наливая по полстакана, заставил выпить Юрку с Володей.

— На прощание, друзья мои! Не забывайте. Приезжайте, всегда буду рад. Знаете же теперь, где я живу.

— Ну и ты нас, Серёга, не забывай, — сказал после выпитого Юрка. — Будешь в наших краях — дай весточку.

— Непременно! — согласился Сергей, обнимая через сиденье сразу двоих сослуживцев.

Ю.

В воинской кассе вокзала им сказали, что нужно зайти в военную комендатуру на станции и взять разрешение на проездные документы.

— Объясните дежурному причину, почему сошли с эшелона, тогда он даст вам разрешение.

— А может, на свои денежки уедем, в кассе возьмём билеты? — предложил Юрка. — До Тайшетграда должно быть недорого в общем вагоне. В «Ангаре» сиденья мягкие. Отлично доедем.

— Да давай зайдём в комендатуру, — не согласился на этот раз с другом Володя. — Я скажу, что поступаю на подготовительное отделение университета. Поэтому и сошёл с эшелона.

— А я что скажу?

— Скажешь, что ты со мной.

В комендатуру ничего объяснять не пришлось. Едва они зашли к дежурному, тот сразу спросил:

— Со вчерашнего эшелона? Танкисты?

— Так точно!

— Куда надо ехать?

— В Тайшетград.

— Давайте документы.

Дежурный — старший лейтенант с эмблемами артиллериста — поставил штампики и сделал записи в их документах.

— Идите в воинскую кассу.

Они сознательно отказались от плацкарта и попросили кассиршу дать им места в вагон, «где кресла».

До отправления оставалось три часа, и друзья поняли, что не успеют посетить Юркиных родных, а поэтому они только пробежались по ближайшим магазинам, купили хлеба, колбасы, конфет и вернулись на вокзал.

Неторопливый поезд «Ангара» шёл от Иркутска до Тайшетграда почти шестнадцать часов, зато прибывал ровно к восьми утра.

Авгостанция находилась в старом здании вокзала и открывалась в девять часов.

— Я провожу тебя, а потом уже домой пойду, — сказал Володя Юрке.

— Ну хорошо, — согласился друг. — Пойдём тогда посидим на вокзале. Здесь отродясь патруля не было. Никто не помешает.

На вокзале народу было немного. Они зашли в зал ожидания и подсели к молоденькой девушке

в синей лёгкой курточке и синей же вязаной шапочке, с книгой в руках.

Девушка, казалось, не обратила внимания на солдат.

— Ну вот и наше время расставания приходит, — улыбнулся Юрка.

— Да уж... — подыграл ему Володя. — Целых шестьдесят километров нас будут разделять. Ты пиши — не забывай.

— Я звонить буду... — делая вид, что плачет, сказал Юрка.

Девушка оторвалась от чтения и посмотрела на них.

Володя заметил, что и глаза у неё были синие. Синие-пресиние зрачки, каких Володя сроду ни у кого не видел. Он обратил внимание на название книги. Синеглазка читала «Анатомию человека».

— Девушка, а вы — студентка? — спросил он её.

— Нет пока. Я в десятом классе учусь. Собираюсь поступать на следующий год в медицинское училище.

Володе показалось, что не слова, а живые звуки вылетают из уст девушки. До чего красивым был её голос! Он даже различал по цвету каждое сказанное ей слово. Зелёное, бордовое, жёлтое, синее, снова синее, ещё синее. Синих было больше.

— А как вас зовут? — не ожидая от себя такой смелости, снова задал вопрос Володя.

— А вы что, со мной познакомиться хотите?

Голос девушки немного изменился. Звуки потеряли цвет.

Володя растерялся.

— Пойдём, — дёрнул за рукав его Юрка. — Вставай, а то и вправду ещё с ходу женишься.

Володя приподнялся, продолжая смотреть на девушку. И его, и её вопрос так и остались без ответа.

— Ты что? Она же малолетка совсем! — сказал сердито Юрка, когда они вышли из зала ожидания. — Да и какая-то не от мира сего... Что, сам не видишь?

— Да я вижу... Я же просто... Так, заговорил с ней, и всё... — начал оправдываться Володя.

— Ну и ладно, пошли уже, пошли, — потянул его к выходу друг. — Пошли к автовокзалу.

II.

Евгений двумя руками держался за проволоку. Он лежал, прижав руки грудью, лицом уткнувшись в щёбёнку.

Неужели он снова терял сознание? Сколько времени он пролежал? Полчаса? Час? А может, две-три минуты всего? Столько событий и лиц пронеслось перед глазами за это время! И воинская часть, и «Урал» с дембелями, и кафе-столовая в Калге, и эшелон, и иркутский вокзал, и их ночёвка в квартире родителей Зотченко, и девчонка

с синими глазами на тайшетградском вокзале, и отъезжающий на междугороднем автобусе Юрка Матзагир...

Но почему и зачем именно события тех последних армейских дней всплыли в памяти сейчас? Появились перед глазами так отчётливо, словно кто-то задокументировал их последние часы в воинской части, всю поездку домой и прибытие на родной вокзал. Снял на кинокамеру и прокрутил ему, лежащему сейчас на железнодорожном откосе, безлюдном и тёмном, это кино.

Дождь, так и не переросший в крупный и затяжной, стих совсем. Внизу поблёскивала мокрая трасса, сверху давила темень.

«А я же тогда, проводив друга на автобус, всё-таки вернулся на вокзал, чтобы ещё раз увидеть синеглазку... — вспомнил Евгений. — Но её уже не было в зале ожидания...»

Он вспомнил, что в поисках её выскочил на перрон, но её не было и там. От вокзала отходила в западном направлении электричка, и, видимо, она и увезла от него её, синеглазую, и знакомство их не состоялось...

«Всё, всё, всё! Хватит! — отмахнулся от воспоминаний Евгений. — Надо гнать от себя все эти видения! Надо ползти вверх! Сейчас надо только вперед и вверх! Вверх, вверх, вверх! Там спасение!»

Люба-Любава

.....

Подняться и мечтать

Три вещи никогда не возвращаются обратно — время, слово, возможность.

Старайся не терять времени, выбирать слова, не упускать возможности.

Конфуций,
китайский философ

I.

Пассажирский поезд № 2 Москва — Владивосток миновал речку Бирюсу по железному мосту и, грохоча на рельсовых стыках, промчался по откосу и далее — мимо населённого пункта с названием Бирюсинка.

Люба проводила его долгим взглядом — пока последний вагон не скрылся за поворотом, за вечными соснами. Гул уходящего состава ещё не затих, когда она поднялась на откос.

Сегодня фирменный поезд застал её недалеко от платформы, где останавливалась электричка, и ей не пришлось делать больших усилий, чтобы выйти на путь. Крутой откос, начинающийся сразу от моста, сходил на нет метров через двести, и у платформы поезда шли по ровной открытой

поверхности, уходя ещё метров через двести пятьдесят, уже по низине, в сосновый лес, пологом спускающийся с двух сторон к магистрали.

Любе нравилось подниматься на откос и провожать уходящие на запад и восток пассажирские поезда. Особенно фирменный московский, который назывался «Россия». Чаще это случалось утром, когда «Россия» мчалась из столицы до самого края земли — к океану. Люба смотрела вслед уходящему составу и думала о тех, кто ехал на край света из Москвы и других городов. Зачем и почему они едут туда? Понятно, когда люди стремятся в Москву, в столицу, но вот когда из неё...

«Москва» — волшебное, сказочное слово, которое она хранила в себе, а услышав его, трепетала. Люба всегда мечтала о Москве и даже иногда представляла себя москвичкой. «Если бы я жила в Москве, то никуда бы не уезжала из этого города, — думала она. — С утра и до позднего вечера стояла бы на Красной площади и слушала бой курантов или весь день сидела бы на скамеечке возле памятника А. С. Пушкину, где влюблённые назначают свои свидания, а приезжие — встречи друзей. Вечерами прогуливалась бы у Патриарших или Чистых прудов... Обязательно ходила бы, один-два раза в месяц, в Большой театр, на балет „Лебединое озеро“ или оперу „Кармен“. И, конечно же, каталась бы в метро по бегущей вниз и поднимающейся вверх лестнице-чудеснице, проходила по оживлённым переходам со станции на станцию и ездила бы в синих вагонах электропоездов, где говорят таким красивым голосом: „Осторожно, двери закрываются!“ — и поезд с гулом ныряет в подсвеченные подземные коридоры, чтобы через полторы-две минуты снова вынырнуть у платформы залитой светом станции».

А ещё Люба знала, что где-то в подмосковном Воскресенске жила когда-то её бабушка Настасья Филипповна и что оттуда родом был её отец, и один раз, когда Люба ещё не родилась, отец возил маму в гости к бабушке. И они заезжали в Москву.

2.

Два раза в своей жизни Люба собиралась поехать в Москву.

Один раз — с мамой в 1980-м. В том году Любе исполнилось шестнадцать, и мама, а за ней все родные и знакомые, за исключением школьных учителей, ещё звали её, как маленькую, Любашей или Любушкой. Мама работала дежурной по станции и один раз в год имела право бесплатного проезда в пассажирском поезде вместе с несовершеннолетними детьми. Отпуск мамы выпадал на середину лета, и она заказала билет до Москвы, вписав туда свою единственную дочь Любушку. Любушка-Любаша прыгала от восторга, но когда мама стала оформлять проездные документы, ей сказали, что в Москве сейчас проходят

Олимпийские игры и приехать в столицу можно только по специальным приглашениям. Приглашения у мамы не было, и она, к разочарованию дочери, оформила билет в обратную от Москвы сторону — в Иркутск. Там жила мамина подруга — Татьяна. Тётя Таня. Тётя Таня вместе с мамой училась в железнодорожном училище в Иркутске и после окончания учёбы осталась работать в областном центре, вышла замуж и всё время звала подругу в гости. И вот выдался случай.

Люба впервые в жизни оказалась в большом городе, где по улицам ходили трамваи, стуча колёсами на рельсах и предупреждая пешеходов и пассажиров о своём движении звонками. Увидела работающие от электричества троллейбусы, как автобусы, только подсоединённые «кусами» к проводам идвигающиеся бесшумно. Её поражали старинные здания — деревянные и каменные, узорные и со скульптурами на крышах и фасадах.

— Ну вот, Любушка, хоть это и не Москва, а посмотреть есть на что, — говорила ей мама, и Люба согласно кивала.

Совершив несколько прогулок по городу, по набережной Ангары, они вместе с тётей Таней, её мужем дядей Пашей и их дочерью — ровесницей Любы Аней через три дня поехали на озеро Байкал, в посёлок с названием Листвянка. Люба видела там больших белых чаек, с мамой и тётей была в знаменитом Байкальском лимнологическом музее, узнав, что «лимнология» в переводе с греческого на русский означает «озероведение». Узнала Люба и то, что в озере обитают необычная рыба — омуль и особый вид тюленя — байкальская нерпа. Потом они совершили по берегу экскурсию к месту, где река Ангара вытекает из озера Байкал. Посмотрели издали на знаменитый Шаман-камень, который, по легенде, отец Байкал бросил вслед дочери Ангаре, когда она побежала от него к красавцу-Енисею. Люба слышала эту сказку-легенду ещё в школе, на уроке природоведения, и вот увидела этот камень наяву.

Впечатления от поездки в Иркутск, от огромного сибирского моря восхитили Любу, она была так взволнована, что даже пробовала свои впечатления записать в тетрадку. На обратном пути, в поезде, Люба сочинила несколько стихотворений и прочитала два из них маме. Однако по приезде домой впечатления от поездки в Иркутск и на Байкал стали остывать, и в сознании опять на первое место выплыло слово «Москва». Снова встрепенулась от надежд и предчувствий душа её, и грустью застряла в сердце не сбывшаяся пока мечта.

Второй раз Люба собиралась в столицу тоже летом, в августе, четыре года спустя. К тому времени она, окончив в Тайшетграде медицинское училище, уже работала фельдшером в здравпункте родной своей Бирюсинки. По сути, это был фельдшерско-акушерский пункт, где дежурили посменно

два фельдшера, две медицинских сестры и две санитарки. Опытный фельдшер Виталий Петрович много лет был заведующим здравпунктом. Да и весь коллектив медработников этого небольшого учреждения отличался стабильностью — состоял из людей, работающих здесь по десять и более лет. Молодой фельдшер Люба, выпускница медучилища, пришла на смену пенсионерке Марии Степановне, отработавшей в бирюсинском здравпункте более тридцати лет.

Здравпункт относился к железной дороге, и Любе, как и маме, один раз в год тоже полагался бесплатный железнодорожный билет. И в первый же свой отпуск она, конечно же, собиралась осуществить свою мечту. Поехать решила вместе с подругами-однокурсницами: Светланой — студенткой педагогического института и Тамарой — лаборанткой гидролизного завода.

Девчонки выстраивали планы, предполагая побывать за неделю и в Москве, и в Ленинграде. Составили список, куда сходить обязательно и куда в первую очередь. Люба сожалела, что с ними не могла поехать мама. Отпуск ей в тот год летом не дали. Но мама была рада за дочь, помогала ей откладывать деньги на поездку и готовится в дорогу. Казалось, что мечта Любаши вот-вот осуществится: она оформит железнодорожный билет, сядет с подругами на вокзале Тайшетграда в вагон поезда дальнего следования, и поезд помчит их на высокой скорости мимо Бирюсинки, мимо здравпункта, мимо станционной платформы, мимо родного дома, через мост над речкой Бирюсой на запад, в столицу Родины — Москву. Люба уже представляла, как мама стоит на платформе станции и машет ей рукой, а они с девчонками смотрят в окно на родную Бирюсинку. Рядом с мамой — родители Светланы и Тамары. «Хорошо хотя бы в окно успеть разглядеть их всех и поприветствовать», — думала Люба.

Но не помахала мама своей Любаше с платформы станции, и не села Люба в вагон поезда дальнего следования, и даже не оформила она билета до Москвы.

3.

Люба шла на последнее перед отпуском дежурство и думала о предстоящей поездке. Вспоминала, всё ли собрала в дорогу и что ещё нужно взять с собой. Она вышла к откосу, когда утренний пассажирский поезд № 2 Москва — Владивосток вылетал из пролёта Бирюсинского моста. Люба остановилась на тропинке, идущей вниз от откоса к станции, и проводила взглядом состав. Большинство пассажиров ещё спали: окна были задёрнуты белыми занавесками. Только в двух или трёх вагонах она заметила людей.

Сердце стучало взволнованно и тревожно. Вот так же через несколько дней и она поедет

на фирменном поезде «Россия» — может быть, даже на этом самом, когда он будет возвращаться с Дальнего Востока в Москву и промчит мимо Бирюсинки.

Люба привычно махнула вслед уходящему к океану поезду и пошла следом за ним вдоль откоса.

Здравпункт находился за станцией, метрах в ста от орсовского железнодорожного магазина, и каждый раз по пути Люба, вне зависимости, работала ли в то утро её мама или нет, заходила к дежурным на станцию, здоровалась с ними и желала им хорошего наступающего дня. Часто она заставала на станции двоих дежурных — отработавшего в ночную и пришедшего на дневную смену. Иногда бывало, что дневная смена мамы и день дежурства Любы в здравпункте совпадали, и они шли утром на работу вместе. Случалось и так: мать и дочь в одно утро заканчивали дежурства и возвращались вдвоём домой.

Ещё издала Люба увидела на платформе начальника станции с сигнальным флажком и поняла, что сегодня почему-то он, а не её мама, встречал и провожал московский поезд. Мама заступила на дежурство вчера вечером, и она должна была утром, перед сменой, выйти навстречу идущей на восток «России».

«Наверное, Дмитрий Алексеевич пришёл пораньше и решил сам встретить поезд, — подумала Люба. — Он же сейчас подменяет тётю Машу, ушедшую в отпуск на прошлой неделе».

— А я тебя поджидаю, — сказал начальник, когда Люба подошла к нему и поздоровалась.

Человек предпенсионного возраста, всю жизнь отработавший на железной дороге, он стоял перед ней в светлом железнодорожном костюме с петлицами и нарукавными нашивками. По вискам и по краям форменной фуражки отливали сединай коротко стриженные волосы.

— Меня? — Люба замерла.

Восторженное чувство, ещё минуту назад наполнявшее её, отступало и менялось на тревожное.

— Да ты не волнуйся, Любонька. Главное — не надо волноваться... Ничего вроде страшного не случилось... — заговорил неуверенно и осторожно начальник станции. — Маме твоей, Катерине, ночью плохо стало, и её увезли на скорой в город, в больницу... Тошнота что-то у неё началась, боли в животе. Может, отравилась чем, а может, аппендицит...

— Да ей ещё в молодости аппендицит удалили... — сказала Люба.

Тревожное чувство в ней нарастало, подступало к горлу.

— А чем мама отравиться могла? Она всегда в еде аккуратная и за мною следит ещё...

— Ты не волнуйся сильно, Любаша, говорю — не волнуйся... — Дмитрий Алексеевич взял её

за руку. — Иди на дежурство, а я часам к девяти, когда все врачи соберутся, свяжусь по телефону с больницей, узнаю, как там, и приду в здравпункт тебе расскажу. Ладно?

Люба кивнула.

— Ну вот и нормально. Иди, Любушка, иди, работай. Не думай о плохом. Всё уладится, всё будет хорошо. Она же в нашей, железнодорожной больнице. Врачи там хорошие, опытные.

Дмитрий Алексеевич пришёл в здравпункт около полудня заметно повеселевшим.

— Прооперировали Катерину, — сказал он с порога Любе. — Я же говорил, что ничего страшного нет. Кишечная спайка у неё, как оказалось. Сейчас уже лучше. Я договорюсь сейчас с вашим заведующим Виталием Петровичем, чтобы тебя завтра утречком пораньше сменили, а ты семичасовой электричкой езжай в Тайшетград, к матери в больницу.

Люба никогда не видела маму больной. Может, и недомогала она иногда, но ни дочери, ни отцу Любы, когда он жил с ними, никому другому она о болезнях своих не говорила, и не помнила Люба и представить не могла маму свою, Катерину Петровну, лежащей в окружении врачей. Мама и названия таблеток-то многих не знала. Когда Люба была студенткой медучилища и рассказывала ей о симптомах разных заболеваний и лечении, она только посмеивалась.

И вот теперь Люба увидела маму на больничной койке, бледную, худую, беспомощную.

— Ах, Любонька, как не вовремя меня угораздило с операцией этой... Тебе бы ехать и радоваться, а теперь переживать всю дорогу будешь, обо мне думать... — сетовала мама, отводя от Любы глаза и стесняясь своей беспомощности.

— Ты что, мама? Я никуда не поеду, не оставляю тебя! — воскликнула Люба. — Ты что придумала? Дядя Дима говорит, что тебе больничный дадут на месяц. Он сам намерен свой отпуск перенести на осень, когда ты поправишься и на работу выйдешь.

— Да что там этот Алексеич выдумывает? — встрепелась было мама, но тут же на лице её отразилась боль от неловкого движения. — У меня всегда всё быстро заживает, я через неделю уже на работу выйду или раньше. Завтра домой попрошусь. Мне уже легче...

— Ну что ты, мама, выдумываешь? Ты кому говоришь такое — мне, фельдшеру? Тебя ещё тут неделю, а то и больше продержат. Ещё посмотреть будут, как чувствуешь после операции. Потом швы снимут, снова понаблюдают, а уж потом только о выписке домой речь пойдёт...

Мама загрустила от Любиных слов.

— А как же ты одна будешь? У нас же корова там, поросёнок, куры...

— Я справлюсь, — сказала Люба. — Я уже взрослая. Ты же одна справлялась, когда я училась.

— Ну, это я... Я с детства с хозяйством привыкла, — пробовала возразить мама. — У нас же, сама знаешь, всё время хозяйство большое было. При дедушке с бабушкой ещё... При отце твоём... Без хозяйства в сельской местности нельзя...

— И я, если ты знаешь, с детства с коровой и курами, — сказала ей Люба, — хоть и семья у нас не такая большая: ты, да я, да мы с тобой...

Маму выписали из больницы через две недели. Лечащий врач сказал Любе, что были некоторые послеоперационные осложнения. Забирать её вместе с Любой приехал Дмитрий Алексеевич на своём «Москвиче». На больничном режиме мама была до середины сентября. Её допустили до работы, но запретили дежурить в ночную смену. Послеоперационные осложнения всё же сказались на здоровье Катерины Петровны. Она крепилась, старалась не подавать виду, но Люба видела, как тяжело даётся маме работа по дому, и старалась сама сделать как можно больше и не разрешала матери поднимать вёдра с водой и другие тяжести.

И во второй раз обстоятельства отложили свидание Любы с Москвой. Она выходила к вечернему московскому поезду № 1 «Россия» вместе с родными Тamarы и Светланы и махала подругам, уезжающим в столицу, и кричали все они вслед промчавшемуся мимо них составу:

— Счастливого пути!

А состав, пролетев мост над Бирюсой, скрылся за вечными соснами, унося счастливых подруг в Москву.

Дмитрий Алексеевич под свою ответственность оставил маму работать на станции, давая ей только дневные дежурства. Сам выходил в ночь. Помогал им в заготовке сена, копке картошки.

— Ничего, доченька, я крепкая, я сильная, я обязательно поправлюсь, и на следующее лето ты поедешь в Москву обязательно, — говорила Любе мама. — Может, на следующий год и лучше даже, чем сейчас. Там снова фестиваль молодежи и студентов всего мира пройдёт. Как в пятьдесят седьмом, когда ты ещё не родилась. Мне только семнадцатый год шёл. У нас и телевизоров ещё тогда не было. Мы по радио слушали про фестиваль и в газетах читали. Все об этом только тогда и говорили. А потом к нам в Бирюсинку документальный фильм про фестиваль привезли. Народу, помню, собралось — больше, чем на художественный. За один раз все в клуб не поместились. Два раза кино показывали.

Люба кивала, улыбалась, подбадривала маму:

— Конечно, поправишься, мама. Ты у меня ещё сама молодая. Мы обязательно с тобой вместе в Москву поедем.

Но не пришлось поехать Любе и на следующий год в столицу. В мае в стране заговорили о перестройке и ускорении. Первые вести о переустройстве и гласности вызвали восторг у населения.

Но восторг длился недолго. Прошёл, как только появились большие очереди в магазинах за продуктами питания, начались сокращения рабочих мест. Железная дорога перешла на белорусский метод работы, который подразумевал оптимизацию производства. Здоровье Катерины Петровны не улучшалось, она первой попала под сокращение, а когда в здравпункте освободилось место санитарки, Люба уговорила маму пойти на работу туда.

4.

Любовь забираться на откос и провожать поезд передалась Любе от отца. Она помнила, как её, пятилетнюю, отец на руках поднял однажды на откос и они стояли долго и смотрели на четыре стороны света: на дома и улицы посёлка, расположенные к югу от железной дороги, на полосы рельсов, уходящие на восток — к станции и в тайгу; на склон и гору, с северной стороны у вершины покрытую лесом; на мост через Бирюсу, по которому поезда шли на запад или с запада, и саму речку Бирюсу и на то место, где в неё впадает речушка Бирюсинка.

Отец был большой, как былинный богатырь, с бородой и усами, и имя у него было княжеское — Святослав. Под стать имени и отчество — Игоревич. Святослав Игоревич преподавал в школе историю, знал многое из того, что связано с прошлым России, особенно с историей древней Руси. В студенческие и молодые годы, до того как стать учителем, он участвовал в археологический раскопках под Новгородом и Псковом. Школа, где отец работал, находилась в городке, что раскинулся за рекой и мостом. Городок так и назывался — Городок, а если точнее и официальнее — Городок на Бирюсе. Такое название он получил в середине шестидесятых годов, а до того звался деревней Суетка, отмечаемой на железнодорожных картах как разезд. Городок был промышленным: круглосуточно дымил трубами гидролизный завод, весь день не смолкали пилорамы на деревообрабатывающем комбинате, и каждое лето было шумно от криков сплавщиков на Бирюсе. У сплавной конторы с весны до поздней осени можно было видеть необычных людей в интересных расписных одеждах и шляпах, приехавших в Сибирь на сезонный сплав леса с предгорья Карпат, — гуцулов. И, конечно же, большинство жителей Бирюсинки ездили на работу в Городок. По утрам на первую электричку торопились и школьники, чтобы успеть на уроки в восьмилетнюю и среднюю школы. В Бирюсинке была только начальная школа-четырёхлетка.

В средней школе Городка и преподавал историю Святослав Игоревич. Любе не пришлось бывать на уроках отца, но она слышала восхищённые отзывы старшеклассников и учителей о том, как отец интересно рассказывал и строил свой урок так,

что и пятиклассники, и выпускники школы, и даже нечастые проверяющие из района заслушивались и теряли ощущение времени, забывая, где они находятся. У слушающих Святослава Игоревича разыгрывалось воображение, и им казалось, что они присутствуют на новгородском вече, участвуют в походах славян на Царьград, сражаются на Чудском озере, идут в прорыв под Полтавой и Бородино. Иногда только звонок об окончании урока приводил детей и взрослых в чувство осознания реальности.

А ещё отец Любы хорошо знал русскую классическую литературу и любил повторять дома и знакомым, что жену себе он выбрал по имени героини пьесы Островского «Гроза», что мать его Настасья была названа именем героини романа Достоевского. Дочери же своей он дал имя Любава. Так звали дочь новгородского посадника Дмитрия Завидича, впоследствии жену киевского князя Мстислава Владимировича — сына Владимира Мономаха.

Да, полное имя Любы, записанное у неё в свидетельстве о рождении, а потом и в паспорте, было не как обычно у многих — Любовь, а Любава. Люба была Любавой. И за то, чтобы у неё было именно это имя, отцу пришлось повоевать не только в сельском совете, но и в районном отделе записей гражданского состояния, и даже в самом райисполкоме.

— Если у нас родится сын, назовём его Ладомиром, а дочь — Любавой, — говорил после свадьбы Святослав Игоревич своей Катерине Петровне.

А та и не спорила с ним.

5.

Летом 1962 года молодой историк, кандидат наук Святослав Рюрик добирался из Пскова в Забайкалье то ли на конференцию, то ли на съезд археологов, а пассажирский поезд Москва — Чита неожиданно остановился на небольшой станции Бирюсинка, недалеко от Тайшетграда. Из окна своего вагона двадцатисемилетний археолог на крыльце станции увидел девятнадцатилетнюю красавицу в железнодорожной форме и влюбился. Он выскочил из вагона, нарвал на откосе ромашек и подарил встревоженной его вниманием Катерине букетик.

— Вас зовут Катерина? — спросил пассажир с поезда дежурную по станции, вручая ей букет и целую ручки.

— Да... — ответила растерявшаяся красавица. — А откуда вы знаете?..

— Я знаю, потому что я Святослав... — сказал он и, убегая вслед отправляющемуся поезду, крикнул: — Жди меня, Катерина! Я обязательно приеду!

Поезд стоял не больше пяти минут, а парень возле неё и того меньше, но Катя успела разглядеть

черты лица и запомнить серо-зелёные глаза, русский волос, улыбку...

Улыбка его всё и решила. Она запала в сердце девушке по имени Катерина. И Катерина стала ждать и мечтать о встрече.

И парень по имени Святослав, оставивший своё сердце на станции Бирюсинка, запомнил глаза и улыбку сибирской красавицы-железнодорожницы и день и ночь думал о ней.

Он приехал в Бирюсинку почти через год — в конце мая 1963-го. Бросил археологию, свои раскопки и устроился учителем истории в средней школе Городка на Бирюсе.

Новому педагогу, да ещё кандидату исторических наук, сразу предложили комнату в общежитии гидролизного завода, но Катерина настояла на том, чтобы молодые поселились в доме её родителей. Дом был большой, построенный специально для железнодорожников, с двумя просторными комнатами и широкой кухней. Отец Катерины Пётр Фёдорович, фронтовик, много лет работал в путеремонтной бригаде и даже одно время был бригадиром. Следил за состоянием железнодорожного пути на вверенном ему участке, в летнюю путевую страду менял искривившиеся рельсы и подгнившие шпалы, зимой выходил на борьбу со снежными заносами. К сорока пяти годам он основательно подорвал здоровье (обострилась фронтовая рана в правом плече, до того надолго притихшая), и к тому времени, когда в доме появился зять, числился Пётр Фёдорович уже стационарным рабочим: подметал перрон, помогал заготавливать уголь и дрова для здравпункта, школы и орсовского магазина. А заведующей и одновременно продавцом в орсовском железнодорожном магазине была мать Катерины — Анна Васильевна.

Пётр Фёдорович и Анна Васильевна Кувшинниковы, как и большинство сельских жителей, держали домашнее хозяйство: корову, поросат, курей, — и паре сильных молодых рук Святослава сразу нашлась работа. Зять родители Катерины приняли вначале осторожно (всё-таки человек иного, чем они, склада), но Святослав очень скоро расположил их к себе, сразу по-свойски стал называть тестя батей, а тещу — матерью. Тесть с зятем, доказывая делом своим женщинам, что руки их на многое способны, провели переустройство дальней комнаты, соорудив там стенку-перегородку, прорубили ещё одну дверь на кухню, и в доме получилось две спальни. Бракосочетались молодые скромно. Распишались в районном загсе, купили десять бутылок «Старорусской» водки, пять портвейна, шампанского, позвали несколько человек из числа родных, знакомых, соседей и подруг Катерины. Приглашали из Иркутска и подругу Катерины Татьяну с мужем Павлом, но они приехать не смогли и прислали только поздравительную телеграмму.

За прожитые вместе восемь лет не случилось ни одного недоразумения между старшим и молодым поколением. Несмотря на свою занятость школьными делами, Святослав по первому зову тещи или тестя все свои дела откладывал и срочно брался выполнять наказания старших. Всегда с улыбкою и шутками. Лишь один раз видели Пётр Фёдорович и Анна Васильевна зятя возбуждённым и настойчивым — когда родилась Люба. Вернее, когда пошли они через несколько дней все вместе в сельский совет записать её имя и получить свидетельство о рождении. Но секретарша сельсовета, узнав, как они хотят назвать ребёнка, воспротивилась.

— Нету в перечне разрешённых имён никаких Любав! — сказала настойчиво им секретарша, а председатель согласно поддакнул:

— Мы даже имя Алёна не записываем. Пытались тут одни записать Алёной девочку, мы их переубедили и записали Еленой.

— Как нету? — забасил, грозно надвигаясь на председателя сельского совета и его секретаршу, молодой отец. — Это старинные русские имена: Любава, Забава, Алёна! Может, у вас в перечне имён ещё и Святослава нет? Я вот — Святослав!

— У нас нет, — сказала отступающая к окну секретарша. — У нас бы вас Станиславом или Владиславом записали.

— А я не Станислав и не Владислав, я — Святослав! По имени русского киевского князя! Вы историю в школе проходили?

— Мы проходили и помним, — сказал, уже стоя у окна, председатель сельсовета. — Только у нас не древняя Киевская Русь и не царское время, а советская власть, и имена княжеские нам не нужны, уважаемый Святослав Игоревич. Это вы у себя в школе там рассказываете своим ученикам про князей, вам за это деньги платят. А мы свою работу будем делать. Позвольте уж.

— Я не позволю вам ломать судьбу моей дочери! Она будет Любава по имени, а по отчеству Святославовна.

— Нет! — неожиданно резко возразил председатель сельсовета. — Либо записываем её Любовью, либо — до свидания! Езжайте в районный загс, в райисполком и там доказывайте свою правоту.

— До свидания! — попрощался с работниками сельсовета Святослав и, решительно взяв из рук Катерины кроху-дочь, вышел на крыльцо.

За ним молчаливо последовали жена, теща и тесть.

Стоял тёплый солнечный день начала третьей недели сентября. Некоторые берёзки уже позолотились по вершинам, но большинство деревьев ещё украшала крепкая, казалось, изумрудно-зелёная листва.

Они шли домой по улице мимо залитых солнцем домов, мимо соседей, копающихся в огороде

и запекающих на кострах картошку. Огородный дымок щекотал ноздри и возбуждал аппетит.

— А давайте тоже сейчас разведём костёр в огороде и напечём картошки, — предложила Катерина.

— Конечно, давайте. Что мы — хуже других, что ли? — поддержал дочь Пётр Фёдорович.

— Давайте напечём! — улыбнулся знакомой, всем привычной улыбкой Святослав.

Несмотря на мелкие огорчения, всем хотелось жить и радоваться.

— А мне и Любовь имя нравится, — решила высказаться Анна Васильевна. — Всё равно ведь, Святослав, пока она ребёнок, её Любой звать все будут.

— Да, Анна Васильевна, её все, пока она ребёнок, наверное, будут звать Любой, но записана она будет Любовью, а не Любовью! — утвердительно и убедительно для всех сказал Святослав.

Через день Святослав и Катерина с маленькой дочкой поехали в Тайшетград и к вечеру вернулись счастливые — привезли свидетельство о рождении на имя Любава Святославовны Рюрик.

Люба помнила отца всегда жизнерадостным и отзывчивым. В школе он вёл кружок по изучению родного края, летом ходил с добровольцами-старшеклассниками в турпоходы в верховье Бирюсы. Святослав Игоревич хорошо плавал. Запросто переплывал Бирюсу в самых широких её местах, что делали не многие даже местные жители. Боялись топляков — погрузившихся под воду тяжёлых деревьев, оторвавшихся от сплавных плотов и путешествующих по Бирюсе самостоятельно. Были случаи, когда на такие не видимые на поверхности топляки нарывались далеко заплывшие купальщики, и иногда это им стоило жизни. Случалось, что топляки торпедировали рыбацкие лодки — переворачивали их или наносили пробоины. Каждый год после весеннего половодья, словно огромные рыбины, на берегу оставались лежать скользкие, чёрные, обросшие водорослями, разбухшие от воды брёвна. Специальная бригада сплавщиков расчищала от них берега и увозила их в отведённое недалеко от сплавной конторы место складирования. Сплавщики же в середине мая обследовали и места купания, вытаскивая с помощью шестов и тросов залёгшие недалеко от берега в тине и песке топляки, или, как они сами говорили, «морёный лес».

Бирюсинская ребятня сравнивала этот процесс с разминированием берегов, называя спрятавшиеся в тине деревья минами, а вытаскивающих их сплавщиков минёрами. Некоторые шутники после проведённых сплавщиками работ ставили на берегу таблички с надписью: «Мин нет».

Святослав Игоревич топляков не боялся. Хорошо ориентировался и держался на воде. И свою Любу-Любаву он обучил плаванию рано, лет в пять-шесть. Ещё дошкольницей Люба чувствовала себя в воде как дома. Да и не было в этом ничего удивительного: все мальчишки и девочки Бирюсинки к школьным годам

уже пробовали если не переплыть речку, то хотя бы один раз доплыть до её середины. А уж ныряли с обрыва головой вниз, едва научившись ходить.

В мире, согласи и любви жила семья Кувшинниковых — Рюриков. Святослав Игоревич с заботой и любовью относился к Катерине Петровне. По возможности провожал её на работу и встречал после смены. Вместе ездили они на ярмарки в Городок и Тайшетград. А на второе лето совместной жизни, когда Катерина была на седьмом месяце беременности, решились молодые поехать на родину Святослава — в Воскресенск. Сын представил матери жену. Мать одобрила выбор сына. В общем, невестка приглянулась свекрови, а Настасья Филипповна, ещё не старая, приятной наружности женщина, понравилась Катерине. Туда и обратно в Сибирь ехали Святослав с Катериной через столицу, и после Люба-Любава думала-гадала: была ли она в Москве? Вроде бы её возили, но ведь она тогда ещё не родилась...

В Бирюсинке многие с симпатией относились к Святославу Игоревичу и Катерине Петровне, любили и привечали их дочь Любу, всегда ухоженную и опрятную. Уважали учителя истории и коллеги-педагоги, и многие родители его учеников. Но, видимо, были и такие, кому чужое счастье не даёт покоя, кто завидовал семье Рюриков и тайно мечтал о том, как бы навести на счастливых людей порчу или слаз.

Каждому, даже внешне кажущемуся счастливым, человеку выпадают в жизни испытания. Иногда посильные, и люди преодолевают их через волю и терпение. Иногда тяжёлые и в одиночку неодолимые. Тогда-то и проверяются на прочность любовь, характер, внутренняя сила каждого. Тогда-то на первое место и выходят сплочённость и поддержка тех, кто рядом. Но и эти испытания способны выдержать люди. Хуже всего, когда беда приходит неожиданно и не одна. Одно несчастье тянет за собой второе, а второе, бывает, и третье... И, случается, сбиваются в одну стаю горе и несчастья...

Испытания — беда, горе, печаль — пришли в дом Кувшинниковых — Рюриков на девятом году совместной жизни Катерины и Святослава, доселе благополучной и счастливой.

6.

В середине января 1972 года, перед крещенскими морозами, заболел сильно Пётр Фёдорович. Вышел утром во двор, а когда возвращался, упал вдруг в сених и не смог подняться. Зять и дочь занесли его в дом, положили на кровать. Он бредил, то и дело терял сознание. На скорой отправили главу семьи в районную больницу. Почти месяц врачи пытались привести его в нормальное состояние, но не смогли. Отец Любы узнавал и дочь, и зятя, и жену, но речь к нему не возвращалась. Он лишь бормотал что-то вполголоса, приподнимался на кровати, даже садился иногда, но ноги его не держали. В конце февраля привезли Петра Фёдоровича домой, и спальня родителей

превратилась в больничную палату. Больному носили еду, лекарства, помогали есть, пить, умываться. Анна Васильевна перебралась в зал, стала спать на диване. Спала плохо. Всё время прислушивалась, заглядывала в спальню, проверяла: как там муж?

А в марте, во время весенних школьных каникул, Святославу Игоревичу из Воскресенска пришла телеграмма: «Срочно выезжай тчк Мать больна тчк Шура».

Как понял Святослав, телеграмму отправила тётя Шура — соседка Настасьи Филипповны. Он в тот же день собрался и поехал на скором московском поезде, но живой мать не застал.

Святослав пробыл в Воскресенске неделю, после похорон помог оформить документы на дом матери её младшей сестре, своей тётке Павлине Филипповне.

— Я, да и Шура приглядим за домом, Святослав, — говорила ему тётка Павлина. — Если надумаешь приехать жить один или с женой — знай: дом этот твой.

Павлина Филипповна жила в городе Пушкино. Святослав помнил её молодой и незамужней. Он был школьником, когда приезжал сватать Павлину из Пушкино отслуживший армию сержант Сева в военной форме. Помнил он свадьбу и слова матери: «Павлинку замуж в Пушкино отдали». Так она говорила своим знакомым и соседям.

Ещё на два дня Святослав задержался в столице. Заезжал к своим друзьям-археологам, и, как оказалось, заезжал не зря.

В Бирюсинку он вернулся с желанием отправиться на лето в археологическую экспедицию. Поездка изменила Святослава. Он, бывало, сидел задумчивым по полчаса, глядя перед собой или в окно, и, казалось, не замечал ни жену, ни дочь, ни тётку. Катерина с Анной Васильевной даже иногда не узнавали его.

— Как подменили, — сказала мать дочери через неделю после возвращения зятя.

Катерина понимала, что смерть своей матери муж переживает мучительно, и старалась не замечать его странностей.

— Время лечит, — ответила она Анне Васильевне.

— Я, Катя, договарюсь с директором школы, чтобы отпустил меня в конце мая в отпуск, напишу ещё без содержания и поеду на лето в экспедицию, — сказал как-то Святослав жене. — Есть интересная работа. Кажется, целый древний город нашли в Новгородской области. Предположительно постройки пятого-седьмого века. Может сенсация произойти в области археологии. Мне там надо быть обязательно. К сентябрю вернусь.

Катерина кивнула ему, соглашалась. Согласился с его доводами и директор школы, и двадцать седьмого мая 1972 года, в субботу, Катерина проводила мужа. Он уехал скорым московским поездом.

Первое письмо от Святослава пришло в начале июля из Старой Руссы. Он сообщал, что участвует в раскопках, занят работой с утра до вечера («с рассвета до заката», — было написано в письме) и иногда

так увлекается делом, что даже забывает про обед. В конце небольшого послания муж писал Катерине, что скучает по ней и по дочери и уже думает о том, какими подарками их удивить по приезду.

Катерина сразу же написала ответ на номер почтового отделения с пометкой «До востребования», как велел Святослав.

«А у нас всё так же. Отец никак не поправляется, а в остальном всё нормально. Мы тебя ждём и тоже скучаем. Но ты работай, совершай свои открытия, сильно за нас не переживай», — написала она в своём послании.

Второе, совсем коротенькое, письмецо прислал Святослав в середине августа. Из него Катерина поняла, что муж собирается в Москву — повезёт находки и, возможно, там задержится на несколько дней, о чём сообщит директору школы телеграммой.

«Ты, Катя, мне сюда уже не пиши. Письмо не успеет, наверное. Я сам скоро приеду. Целую тебя и Любаву. Самые лучшие пожелания Анне Васильевне и Петру Фёдоровичу. Пусть отец поправляется», — такими словами заканчивалась весточка Катерине от мужа.

К первому сентября Святослав Игоревич в Бирюсинку не вернулся. Как выяснила Катерина, директор школы от него никакой телеграммы не получал. Не приехал он ни через неделю, ни через две, ни через месяц.

Катерина дома, а директор в школе забили тревогу. Катерина не знала, что делать и куда обращаться. Директор тоже знал немного. Решили написать письмо в Москву, в институт археологии, про который говорил Святослав. Нашли адрес и письмо отправили. Но ответа ни в октябре, ни в ноябре не получили.

В двадцатых числах декабря Катерина обнаружила в почтовом ящике среди газет помятый конверт, без указания обратного адреса и штемпеля. Тетрадный листочек внутри конверта тоже был измят. Видимо, его не один раз складывали и вдвое, и вчетверо.

На листочке размашисто и торопливо, как поняла Катерина, было написано почерком Святослава:

«Катюша, милая моя, произошло чудовищное недоразумение. Нас с друзьями обвинили в сокрытии и похищении археологических находок. Арестовали и увезли в тюрьму. Ты, главное, не расстраивайся и никому ничего не говори. Я думаю, скоро разберутся и нас отпустят. Письмо никому не показывай. Мне обещали, что передадут его тебе лично в руки. Прости и жди. Я невиновен. Святослав».

Катерина прочитала письмо на кухне, положив газеты на стол и присев на табурет, а когда прочла, письмо выронила и схватилась за сердце. Это увидела хлопотавшая у печи Анна Васильевна.

— Что? Что с тобой? — бросилась мать к дочери. — От кого письмо? От Святослава?

Катерина ничего не могла ей сказать. Она сидела побледневшая, прижимая обе руки к груди.

Анна Васильевна подняла с пола листок.

— Боже, Боже! Боже! — воскликнула она. — Святослав... Что теперь о нас люди-то скажут? Святослав...

Катерина, задыхаясь от нехватки воздуха, хотела что-то сказать матери, но та вдруг широко открыла рот, откинула голову назад и рухнула на пол.

Видя это, Катерина попыталась подняться, но почувствовала резкую острую боль под сердцем и потеряла сознание.

Она пришла в себя оттого, что её тормозили за плечо. Открыв глаза, увидела над собой заплаканное лицо дочери.

— Люба, Любонька, ты что, уже со школы пришла? — спросила её Катерина.

— Да, мама. А что ты и бабушка на полу лежите? — всхлипывала и вытирала руками слёзы Люба.

Катерина приподнялась. Рядом с упавшим возле неё табуретом, с открытыми остекленевшими глазами, лежала её мама — Анна Васильевна.

7.

Анну Васильевну похоронили двадцать пятого декабря 1972 года на сельском кладбище, а двадцать восьмого декабря умер Пётр Фёдорович. Он несколько дней до этого не видел жены и подавал знаки дочери — видимо, пытался узнать, где она. Катерина молчала и отводила глаза. Отец, было видно, встревожился, явно что-то почувствовал: перестал есть и отказывался от лекарств. Он лежал тихо весь день двадцать седьмого. Катерина несколько раз подходила к его постели и в ночь на двадцать восьмое декабря. Отец дышал ровно, лежал с закрытыми глазами. Спал он или нет, дочь так и не поняла. Утром он силился ей что-то сказать, делал движения руками и пальцами, но, поняв бессмысленность своих попыток, притих и отвернулся лицом к стене.

Катерина заглянула к нему после полудня, хотела покормить с ложечки, но едва коснулась его руки — поняла, что он умер.

Вскрытие делать ему не стали и похоронили в субботу, тридцатого декабря, рядом с могилой жены.

Так получилось, что к похоронам Анны Васильевны заказать оградку не успели, и теперь сделали сразу на двоих одну. Её привезли из Тайшетграда, длинную и широкую, покрашенную в синий цвет. Рядом с могилками поставили столик и две скамеечки.

Супруги Кувшинниковы снова были рядом, теперь в одной просторной оградке. Активное участие в похоронах принимали железнодорожники. Всю организацию вторых похорон и большую часть первых взял на себя Дмитрий Алексеевич, начальник станции Бирюсинка. Это он заказывал оградку, столик и организовывал поминки.

Катерина и в первые, и во вторые похороны с трудом верила в происходящее. Ей казалось, что она видит страшный нескончаемый сон и должна вот-вот проснуться. Но сон не заканчивался, а сознание то и дело возвращало её в реальность и подсказывало, что всё происходит наяву и надо что-то делать, как-то жить дальше. Мысленно она благодарила начальника станции, но всё же не проронила ни слова на похоронах. Лишь плакала и прижимала к себе дочь. Глядя на свободное место в оградке, она невольно подумала, что это место оставлено для неё.

После похорон и поминок, в воскресенье, тридцать первого декабря, во второй половине дня, начальник станции принёс Катерине с Любой аккуратную ёлочку и большой пакет конфет и фруктов — подарок Любе.

— Горе горем, Катя, а всё-таки Новый год наступает, — сказал Дмитрий Алексеевич. — Я понимаю, что тут вам не до веселья, но ёлочку давай всё же поставим. Она вам горе скрасит.

Люба запомнила тот новогодний вечер на всю жизнь. Впервые они сидели возле ёлки вдвоём с мамой. В полутьме. Маленькой Любе казалось, что любимые ею и любящие её дедушка, бабушка и папа ушли за подарками и скоро придут, вернутся вместе с Дедом Морозом и Снегурочкой, и снова в доме станет светло. Дед Мороз раздаст всем подарки, бабушка зажжёт бенгальские огоньки, а папа выстрелит в потолок пробкой от шампанского...

Но не было в тот вечер ни Деда Мороза, ни Снегурочки. Не пришли, не вернулись дедушка с бабушкой, не пришёл папа.

Лишь трещала поленьями в полутьме топившаяся в доме печка, бросая на входную дверь полоски света, выбивающиеся через щёлку в печной дверце, да падали в открытое поддувало искорки и гасли, превращаясь в золу.

8.

Люба подошла к платформе. Несколько жёлтых листочков, упавших с берёзок, шурша, катались по асфальту. Ярко светило сентябрьское солнце, но вдали из-за сосен Любе навстречу плыли небольшие кучевые облака.

«Сегодня к вечеру дождь обещали, — вспомнила Люба про переданный по радио прогноз погоды. — Вот уже и сентябрь набирает ход... Мой месяц. На следующей неделе мне исполнится тридцать семь лет. Скоро, совсем уже скоро пожелтеют берёзки под окном здравпункта и закружит, закружит листва... Прошло, пролетело ещё одно лето... Пролетит и осень — не заметишь... Придут за ней зима и Новый год... Очередной год... Идёт, идёт время, летят, летят годы... Куда, куда же они летят?..»